

БРАТСКИЙ литературный УНИВЕРСИТЕТ выпуск №19 26 мая (609) 2014 г.

ГАЗЕТА БРАТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1984 ГОДА. WWW.BRSTU.RU

Словно нитка за иголкой

ПОВЕСТЬ

Берегите любовь смолоду, тогда вас обойдут стороны те потери и разочарования, которые испытали герои этого литературного произведения!

Автор - Марина Рагестверт

Эта поучительная история о том, как девушка Нина полюбила всем сердцем одного, а замуж вышла за другого. И только пройдя сложный, порой противоречивый жизненный путь все-таки родила от любимого своего единственного сына. А вот чем закончилась драма - узнаете, прочитав повесть "Словно нитка за иголкой"

Посвящается тем, кто любил по-настоящему...

От первой, в большинстве несчастной любви люди страдали во все времена. Эта "болезнь" многих заставляла врасплах и проходила тяжело. Чаще была неизлечимой. Лукавство, что время лечит. Боль может лишь приглушиться. Душевные же раны оставляют глубокие рубцы, безжалостный отпечаток на всей дальнейшей судьбе человека, порой коверкая саму жизнь, направляя ее течение в иное русло. Впрочем, любое утверждение поддается дискуссии - нашлись бы охотники!

"Зачем я еду? - с тревогой думала Нина. - Вот ненормальная! Надо ли было ехать? Может, вернуться? Нет, поздно, не поворачивать же теперь назад. И потом: я ведь не собираюсь разрушать чью-то чужую жизнь. Посмотрю на него, хоть издали, и уеду. Никто не запретит мне узнать, что с ним? Что с ним, моей, как оказалось, единственной любовью..."

В перестроечные восьмидесятые годы прошлого столетия наша героиня, тридцатилетняя брюнетка с короткой стрижкой и мягкими чертами лица, на котором, как две яркие звезды, выделялись темно-изумрудные глаза (редкий цвет "зеркала души" не раз очаровывал сильную половину человечества, если, конечно, им удавалось заглянуть в эти таинственные озера), погружена в личные переживания. Она едет на встречу со своей первой любовью в купейном вагоне поезда, утром прибывающего в славный город Минск.

За окном проносятся разъезды за разъездом, маленькие станции, где поезд и не думает останавливаться. Пассажиры в вагоне давно угомонились, кто-то, наверное, досматривал уже десятый сон. Нина тоже сначала прилегла: эту последнюю ночь перед встречей с Анатолием надо было подольше поспать, чтобы не выглядеть уставшей. Долго лежала в темноте с открытыми глазами. Мысли сменяли одна другую, вспоминались слова, произнесенные тринадцать лет назад: "Любимая! Я обязательно вернусь!" Нину бросило в жар от этих слов: нет, не уснуть. Осторожно, чтобы не разбудить соседку по купе, она вышла в пустой коридор. И вот стоит у окна, вспоминает...

Пять дней вместе. Пять счастливых мгновений в начале семидесятых годов.

А началось все с того, что в середине июня вернулся из армии соседский парень Олег, а с ним приехал его друг, тоже демобилизованный солдат, с которым они три года служили в Забайкальском военном округе. По пути домой, в Белоруссию, он решил на несколько дней задержаться у сибиряка - посмотреть знаменитую Братскую ГЭС. Нина заметила, что какой-то высокий, светловолосый парень в летней военной форме стал жить у соседей. Проходя из летней кухни в дом, она то и дело видела за невысоким ограждением двух парней: то возившихся во дворе с мотоциклом, то носивших воду в баню, то сидевших вечерами на крыльце и о чем-то разговаривающих. Поразил смех незнакомца - красивый, заразительный.

К родителям Нины пожаловала деревенская родня. Пока взрослые сидели за столом, девушка занималась с приезжими маленькими детьми. Усаживала их попеременно на качели, установленные отцом возле крыльца дома, и раскачивала. Вдруг она заметила, что в соседском дворе тот самый светловолосый парень, не отрываясь, смотрит на нее. Нина смутилась и больше старалась не поворачивать в его сторону голову. А он через некоторое время вышел с гитарой и стал перебирать струны, напевая какую-то лирическую балладу. Затем к нему присоединился Олег, и вчерашние солдаты запели грустную песню - про то, как девушка не дождалась своего парня из армии.

По характеру Нина была замкнутой, словно оберегала от посторонних свой внутренний мир. Ни с кем из ровесниц она близко не сошлась. К тому же на фоне эффектных одноклассниц девушка считала себя не самой привлекательной. Если кто-то и нравился ей из ребят в школе, она никому об этом не рассказывала, боясь насмешек, и уж тем более не старалась обратить на себя внимание. Самое большое, что она могла себе позволить - "попытать счастья" по распространенному среди девушек гаданию по слову "лурнист". По буквам: любит, уважает, ревнует, ненавидит, интересуется, страдает, тоскует. Для того чтобы узнать, как к тебе относится парень, надо было сложить все буквы в его имени, отчестве, фамилии, и затем отсчитывать по буквам, пока счет не закончится на той, что даст ключ к разгадке. У Нины всегда получалось только "уважает" или "интересуется".

Училась девушка с большим желанием, слыла примерной комсомолкой. Одноклассники и учителя считали ее правильной девчонкой. Правда, перед самыми экзаменами за восьмой класс она неожиданно для всех, с помощью ресфедера, выщипала в тонкие линейки свои широкие, как она считала, "брежневские" брови. На такой смелый поступок могла решиться в те годы не каждая школьница. Классная руководительница даже строго спросила, кто ее на это надумил.

Нина любила читать, родители разрешили ей даже выписать популярный журнал под названием "Роман-газета", поэтому, когда учительница русского языка и литературы выдала ученикам список тех произведений, которые необходимо было прочесть за летние каникулы, девушка обрадовалась и сразу записалась в клубную библиотеку.

В этот день, взяв книги, она зашла в ателье, где ей шили платье из белого штапеля в мелкий, едва заметный цветочек. Обновка была готова и так понравилась заказчице, что она решила в ней и идти, аккуратно сложив старенькое платьице в авоську вместе с художественной литературой.

Юная девушка спешила домой в приподнятом настроении - в белом, словно свадебном платье, предвкушая интересный вечер за чтением романа "Война и мир". Наконец-то она узнает о любви Наташи Ростовской и Андрея Болконского.

На своей улице она увидела двух соседских парней, идущих навстречу. "Он!" - ударило в виски. Подошли ближе, поздоровались.

- Познакомьтесь, это Анатолий из Минска, - представил Олег своего друга. - Захотел поближе на Сибирь посмотреть... А это Нинка, живем рядом с детства.

- Здравствуйте, Нина, - Анатолий протянул руку. Ладонь у него оказалась сухой и прохладной. "Какая приятная", - отметила про себя девушка.

- Едем гидростанцию смотреть, - беззаботно продолжал Олег. - Хочешь - поедem вместе.

- Не могу, мне еще ужин надо готовить.

- Хозяйка наша! Так ты восемь или девять уже закончила?

- Девятый, - скромно ответила Нина.

- Поздравляю! - Олег бросил взгляд на книги: - Что читаем? Дай хоть одну посмотреть, набрала-то сколько... - Олег протянул руку.

- На лето задали русских классиков, - не глядя на соседа, Нина машинально вытащила из авоськи первую попавшуюся книгу.

- "Мертвые души" - мертвее не бывает, - листая книгу, вслух комментировал Олег.

Анатолий внимательно смотрел на девушку, а та, словно замороженная, не могла отвести взгляд, как обычно, когда разговаривала с мальчишками из класса. На какое-то мгновение их глаза встретились... Опомнилась

Нина, когда Олег вернул книгу:

- А я так "Войну и мир" в школе и не осилил. Небось в институт собралась? Еще год и студенткой станешь? Будем тобой гордиться! На кого учиться-то пойдешь?

- На инженера-строителя.

- По стройкам будешь мотаться... - не унимался Олег.

- Зато, мама говорит, так быстрее квартиру можно получить. Да и вообще... - Нина не могла в эту минуту точно сформулировать свои мысли.

- Строить города - благородное дело, - вмешался в разговор Анатолий.

Нина признательно ему кивнула. Олег, глянув на обоих, догадался, в чем дело, заулыбался:

- Нин, выходи вечером, поиграем в волейбол. Так бы на танцы сходили, да сама видела, что в парке еще танц-площадку не отремонтировали.

- Приду, - с волнением произнесла девушка.

И, не оглядываясь, чуть не бегом, поспешила к своему дому. А там - сразу к зеркалу. Даже испугалась, увидев себя: в белом платье, с распущенными до плеч каштановыми волосами. В этот миг она будто расцвела, как бутон розы.

Вечером играли в круговой волейбол, на который собралась молодежь с улицы. Нине не очень нравилась эта игра: стой и жди, когда прилетит к тебе мяч. И вот он летит к ней. Чтобы отбить подачу, девушка выдвинулась вперед, но неловко споткнулась и упала на асфальт. И уже в следующий миг почувствовала, как чьи-то сильные руки подхватили ее. "Толя!" - сердце девичье сладко дрогнуло. Парень донес Нину до скамейки возле палисадника, аккуратно усадил и стал дуть на ссадину, появившуюся несколько секунд назад на ее коленке.

...Потом вдвоем они долго гуляли по вечернему поселку. В основном говорил Анатолий, Нина же смотрела на него, не переставая удивляться его манере держаться и нездешней красоте: вот они какие, белорусы, наши ребята совсем другие и разговаривают грубо, а этот... статный, с широко открытыми серо-голубыми глазами, прямым носом, резко очерченными губами.

Анатолий рассказывал о себе и своей семье. Родом он из простой семьи, отец и мать десятки лет трудятся на камвольном комбинате. Кроме него есть еще две сестры, но они уже взрослые и живут с мужьями. С особой теплотой Анатолий отзывался о своей матери:

- Мама была в оккупации, чуть не погибла вместе с подпольщиками, была у них связной. Из тюрьмы помог бежать знакомый полицейский, до войны мама жила на соседней с ним улице, вроде отцы их как-то друг друга знали еще с гражданской, вот и помог ей и еще одной девушке. Повел в уборную и отвернулся, вроде как прикуривать стал, чтобы они под колючую проволоку успели пролезть, но другие полицейские заметили, стали стрелять. Маму ранили в руку, но все же им удалось скрыться в проулке.

- Рука долго болела? - рассказ Анатолия так захватил Нину, что она хотела знать подробности.

- Зажила через какое-то время, кость не задела. А наши пришли и парня этого, полицейский, к стенке поставили.

- А мама твоя о нем не рассказывала, что ли?

- Ее допросили, когда было уже поздно. Там не он один был расстрелян. Некогда было разбираться. Раз служил при немцах - получи пулю.

- Вот оно как... Мы-то здесь как на заимке отсиделись, голод только был.

- В Сибири - голод? - не поверил парень.

- Не удивляйся, все, что выращивали и собирали, отправляли на фронт, в иркутские госпитали. Мне отец рассказывал, что все время искал, чтобы поесть, он в войну столько крапивы переел... И только четыре класса окончил - зимой не в чем было в школу ходить, теплой одежды и обуви на всех детей в семье не хватало, а с весны до осени в колхозе работал наравне со взрослыми.

- Не могу поверить, что у вас тут голод был. А рыба в реке, орехи в тайге? Зверь какой таежный?

- Рыбу еще наловить надо было, ее тоже солили, сушили и отправляли на фронт, а коз в лесу еще добыть надо было, мужиков всех позабিরали, а подростки не

могли толком охотиться.

- Надо же, я и не знал, что сибиряков так война коснулась... - продолжал искренне удивляться Анатолий.

- Толя, ты про маму дорасскажи.

- Дождались наших. Когда в Минск вошли партизаны, познакомилась с моим будущим отцом, он войну в Праге закончил, вернулся домой, тогда и поженились. Кстати, когда мои родители познакомились, маме было неполных семнадцать, а отцу двадцать один год.

- Как нам с тобой сейчас, да?

- Вот-вот. И все время душа в душу живут, я ни разу даже не слышал, что они ругались.

- А мои иногда скандалят.

- Прямо при тебе?

- Всякое бывает... Мама отца все время попрекает - то рублем, то еще чем-нибудь. А ты у родителей первый ребенок? - стараясь перевести разговор на другую тему, Нина нарочно задала этот вопрос, хотя Анатолий уже говорил, что старше его в семье две сестры.

- Нет, первыми, как я уже говорил, появились на свет мои сестры, они погодки, а потом уж я - в пятьдесят первом, - по второму кругу, без тени раздражения, стал повторять Анатолий. - К тому времени родители начали строить свой дом, кажется, в пятьдесят пятом его окончательно закончили, обзавелись всякой живностью. Воспитывали нас строго, с детства приучали к труду - у каждого были свои обязанности по хозяйству. Мне, например, как научился держать лопату в руках, поручалось окапывать фруктовые деревья, чтобы те лучше плодоносили.

Рассказ Анатолия был таким обстоятельным и увлекательным, что Нина ясно представила себе и его родной дом, и сад, где росли яблони, груши, сливы и вишни. Девушка не заметила, как ее рука оказалась в его руке. Они брели по тихим улочкам, нежно переглядываясь... И хотя разговор шел на серьезные темы, влюбленным это не мешало. Так было хорошо вдвоем! Нина чувствовала, как в ее душе необыкновенно изысканно пел хор, виртуозно играл оркестр, а в нем чарующе и неотразимо солировала скрипка!..

Первый поцелуй! У девушки, ждавшей этого чуда, закружилась голова, она словно опьянела. Анатолий стал первым, кто коснулся ее пурпурных губ, конечно, еще не знающих помады. Со слезами на глазах, ничего не видя перед собой, Нина будто бредила вслух:

- Сон... Какой прекрасный сон...

Пришла в себя, когда Анатолий снова стал целовать ее губы, нежно и страстно, тогда только Нина отчетливо поняла, что чудесное событие произошло и с ней.

- Нина, милая, давай не расставаться. Ты станешь моей женой...

- Боже, о чем ты говоришь, Толенька... Я просто хочу пока любить тебя. Понимаешь: любить и больше ничего.

- Не понимаю: как любить, если мы не будем вместе? Мужем и женой, одной семьей?

- Я же еще школу не закончила, какое мне замужество?

- Я подожду, ведь всего год, один десятый класс, многие кого-то ждут, не все сразу получается...

- Обещай, что подождешь меня... Любимый...

Домой девушка вернулась под утро. Через приоткрытое с вечера окно она бесшумно влезла в свою комнату и, быстро раздевшись, нырнула под одеяло. Но еще долго не могла заснуть, вспоминая прикосновения любимого, блаженно улыбалась и тихо плакала. Это были слезы первого счастья.

...Однообразно стучат колеса поезда. Нина видит в окне свое отражение: "Внешне я мало изменилась, разве что спокойствия в лице прибавилось". Она вдруг вспомнила, почему-то именно теперь, что как-то во время дружеского застолья, устроенного коллегами в честь досрочной сдачи жилого комплекса, бывалый прораб Иосиф Абрамович признался ей: "Вы, Ниночка, должны быть счастливой, потому что относитесь к той категории женщин, которые в молодости напоминают вкусное виноградное вино без сахара, а в преклонные годы становятся благо-

родным коньяком". Молодая женщина тогда еще посмеялась над замысловатым комплиментом старшего товарища. Ой, чего только не происходило за эти годы, разные люди встречались на ее пути...

"И все-таки надо вздремнуть перед прибытием в Минск", - так же осторожно открыв дверь купе, Нина тихоноcko устроилась на нижней полке, однако по-прежнему не могла уснуть - нахлынувшие воспоминания не давали покоя...

День второй. В этот день договорились встретиться в шесть часов вечера и пойти посмотреть на строительство завода отопительного оборудования. Уже были видны очертания будущих цехов, возведение некоторых подошло к завершению. Завод поднимался недалеко от поселка, где жила Нина, на горе. Чтобы попасть на его территорию, надо было проделать путь через железнодорожную линию и небольшую сосновую рощу.

Влюбленные все время шли рядом, держась за руки, и если Нина спотыкалась, иногда нарочно, Анатолий крепче поддерживал ее за локоть. Девушке было приятно ощущать такую заботу.

Добравшись до новостройки, влюбленные с осторожностью бродили по этажам построенных зданий. Нина затеяла игру: она убежала от своего спутника и пряталась за каким-нибудь углом или стеной. "Охотник" звал ее, а найдя, сжимал в своих объятиях, кружил на руках, целовал долго и страстно, пока Нина не останавливала его. Один раз даже сама попыталась поцеловать Анатолия в губы, но сделала это неумело. Обескураженная своей неловкостью, она больше не отважилась на такой поступок. Анатолия это забавляло, он обещал, что придет время, когда он сам ее всему научит. "Ах ты мой несмышленыш", - ласково повторял парень.

День третий. Нина проснулась позднее обычного. Какое позавтракав, она быстро помыла посуду. Проходя мимо соседского забора, увидела Анатолия - веселого, загорающего вместе с Олегом на почти пологой крыше веранды.

Заметив Нину, Анатолий крикнул:

- Нина, здравствуй! Поедем купаться с нами!

- Куда? - поинтересовалась девушка.

- На островки, прямо сейчас, - вмешался в разговор Олег.

- Поедем, - согласилась Нина, - я только переоденусь.

Перерыв все полки в шифоньере, девушка не сразу отыскала свой закрытый купальник, а когда нашла и надела, то придирчиво оглядела себя в зеркало, придя к выводу, что фигура у нее хоть и не совсем еще сформировавшаяся, но уже и подростково-угловатая.

В это время между Анатолием и Олегом происходил такой разговор.

- Признаться, Толик, соседка моя тебе сильно понравилась?

- Еще как! Не то слово. Сам не думал, не гадал...

- Что ты в ней нашел? Я столько лет рядом живу и ничего особенного в ней не замечал.

- А тебе и не надо замечать, она уже моя.

- Влюбился, что ли? Она ж еще девчонка совсем...

- Много ты понимаешь. У нас в Белоруссии в ее возрасте, бывает, замуж выходят. Ей ведь шестнадцать с половиной, почти семнадцать. Моя мама за отца тоже рано замуж вышла.

- А-а-а... Только не вздумай ее "испортить", ты уедешь, а нам тут оставаться.

- И в мыслях не было, мог бы не напоминать.

- Это я так, на всякий случай.

- Понятно... Осенью постараюсь вернуться, на новый завод устроюсь или еще куда, у вас тут работы полно.

- Завод к тому времени вряд ли достроят, а вот на ДОК я тебе помогу оформиться, у меня там кореш работает. Или лучше пойти на ЦРМЗ.

- Что это?

- Центральный ремонтно-механический завод. Главное - там общежитие холостым дают.

- Ремонтный пойдет, до армии второй разряд токаря успел получить. В техникум на вечернее или заочное вос-

становлюсь, ты говорил, что у вас тут и институт есть.

- Есть, сам хочу туда поступать.

- А с Ниной будем пока так встречаться, время быстро пролетит.

- А ты точно приедешь назад?

- Лишь бы батя с мамой отпустили, - вздохнул Анатолий, - а то как начнут возражать, мол, три года тебя не видели, и снова хочешь из дома сорваться. Буду уговаривать, если что, хотя они у меня оба с характером, особенно батя... В крайнем случае, если вернуться сюда не получится, то Нина после десятого ко мне приедет, у нас институтов полно, будет учиться.

- Сдается мне, что ты неопытной девчонке мозги компасируешь. Точно скажи: любишь Нинку или...

- Сказал же - люблю, с какой стати мне друга обманывать... - Анатолий посмотрел на Олега недоуменно.

- А та девчонка, что провожала тебя в армию, потом письма тебе писала? - не унимался Олег.

- Да это просто одноклассница, мы даже не целовались толком. Так, перед отправкой поезда, поцеловались один раз и то несерьезно, даже не в губы. И письма писали друг другу как старые знакомые. Мы, кстати, с ней до пятого класса за одной партой сидели, потом нас рассадили, она к другому мальчишке попросилась.

- А-а-а...

- С Ниной все по-другому. Один раз встретился с ней глазами и все - будто молнией меня прошибло. Вот здесь сидит, - Анатолий прислонил ладонь к сердцу.

- Разве так бывает?

- Еще как бывает, оказывается. Я тоже раньше не верил про любовь с первого взгляда. - И добавил с досадой: - Эх, была бы она не школьница, увез бы с собой, поговорил бы с ее матерью и отцом. А так... что раньше времени их беспокоить? Белорусский жених выискался!

- Да какая разница, откуда ты родом, у нас ко всем хорошо относятся.

- У нас тоже. Знакомый парень узбечку из армии привез, можно сказать, что украл, троих ему уже народила.

- Многовато для нашего времени, двоих короедов - и хватит.

- Что загадывать, в нашей семье, например, трое, и все выросли.

На автобусной остановке Олег вдруг вспомнил, что по неотложному делу его ждет какой-то знакомый.

- Дорогу ты знаешь, Нина, не заблудитесь, - бросил он на ходу, оставив Анатолия и Нину вдвоем.

Сойдя на нужной остановке, влюбленные спустились по узкому переулку к реке, на которой были разбросаны те самые островки суши, покрытые мелколесьем. Выбрав удобное место на берегу, стали переодеваться. Господи, как же Нина тогда стеснялась! Анатолий уже был в воде, а девушка все никак не могла снять штапельное платье. Пальцы рук плохо слушались, к тому же, как назло, заела "молния". Заметив неловкость и смущение девушки, Анатолий вышел из воды, подошел к ней, молча повернул ее спиной, расстегнул непослушную "молнию" и помог снять платье. Нина вдруг испугалась своей наготы, хоть и была в купальнике, закрылась руками, скрестив их на небольшой груди. Анатолий все понял, ласково притянул к себе девушку, поцеловал чуть дрожащие от волнения губы. А потом, взяв Нину на руки, понес в воду, которая была в тот день на удивление теплой, казалось, что она ласкала молодые красивые тела. Вдоволь накупавшись, счастливые долго лежала на песке. Держась за руки, смотрели в чистое синее небо, вслух мечтая об одном - всегда быть вместе.

День четвертый. Утром неожиданно приехала двоюродная сестра Галя, она поступала в медицинское училище и на день-два, пока не поселится в общежитие, остановилась у своего дяди, отца Нины. Девушки были ровесницами и с детства дружили. Очарованная Нина тут же поделилась своим счастьем. Рассудительная Галя внимательно выслушала страстную исповедь, подведя под всем черту: "Познакомь-ка меня с ним, посмотрю, кто тебе так вскружил голову".

Втроем - Галя, Нина и Анатолий - отправились в ближайший лес за жарками, которых было полным-полно.

Хотели, чтобы и Олег пошел с ними, но он уехал в военкомат становиться на учет. Нина надела очень модное в те годы платье - кримпленовое, верх которого был в виде матросского гюйса. Для июньской жары одежда была не совсем подходящей, но влюбленная девушка хотела выглядеть перед Анатолием нарядной: "Пусть видит, какая я красивая". На стройных ногах Нины красовались лакированные туфли, недавно купленные матерью после некоторых колебаний: не рано ли еще дочери такие носить? Нет, не рано. Дочь-то выросла и совсем взрослая стала. Вот и любовь к ней уже пришла...

В лесу было прохладно, вкусно пахло разнотравьем. Нине хотелось петь, целоваться с любимым, но рядом была сестра и это сдерживало. У девушки уже не хватало рук, чтобы держать цветы, а Анатолий все собирал и собирал их для нее. Галя критически посматривала на своих спутников, а потом ушла на приличное расстояние по тропинке вперед. Ей, как она призналась вечером, "надоело смотреть на двух влюбленных голубков, которые никого вокруг не замечают". После таких слов Нине хотелось знать мнение родственницы по поводу их отношений с Анатолием: "Жаль, не понимает..."

Пять дней пролетели незаметно. Настал прощальный вечер. Много было сказано в эту последнюю встречу слов нежности. Нина подарила своему любимому фотографию, сделанную в фотоателье опытным мастером сразу после окончания девятого класса. Анатолий обещал, что только съездит проведать родителей, а в августе вернется в Братск, устроится здесь работать и восстановится на заочное отделение индустриального техникума. Нина безоговорочно верила ему.

В шесть утра у него был поезд. В пять часов словно кто-то специально разбудил Нину. Она тихонько встала, подошла к окну. Тревожно забило сердце. Так и есть. По улице, с небольшим чемоданом в одной руке и гитарой в другой, шел Анатолий, его провожал Олег. Хотелось окликнуть, но девушка только жадно смотрела, запоминая своего Толю.

Еще не умеющая скрывать сильные чувства, Нина весь день ходила как неприкаянная. Хорошо, что отец был в рейсе, а то бы заметил удрученное настроение дочери, которой с детства очень дорожил. А может, и не обратил бы внимания. Он сильно уставал на работе. Уезжал на лесовозе спозаранку, когда дочь еще спала, а возвращался поздно, когда она уже снова спала или готовилась ко сну. К тому же отец был не сильно разговорчивый, все куда-то торопился, заколачивал деньги, как он сам выражался. За Нину был спокоен: "Ты у меня хоть и одна, зато умная, я за тебя не буду краснеть". А вот мать, взявшая две недели отпуска, сразу заметила, что с ее дочерью происходит неладное. И затеяла постыдный для Нины разговор:

- Не вернется твой белорус. Я больше тебя на свете прожила, знаю - не вернется. Это он от скуки тут с тобой занимался. Театров же у нас нет, пойти некуда, танцплощадку и ту разломать разломали, а новую не сделали. Не переживай, доченька, не ты первая, не ты последняя. Вот так нас за нос мужики все время и водят...

- Ой, мам, перестань, откуда тебе знать, что у нас и как было, - разозлилась Нина.

- А что было? - встревожилась мать.

- Да ничего особенного. В подоле не принесу, не бойся.

- Точно ничего у вас не было? - допытывалась мать.

- Говорю же, нет!

- Целовались хоть?

- Только целовались и все... - Нина опустила глаза, будто ее уличили в каком-то страшном преступлении.

- Смотри, - сбавила тон мать, - тебе еще школу заканчивать, в институт поступать, не до любви сейчас. Это дело куда от тебя не уйдет, поверь мне.

- Хорошо, я все поняла, - Нина старалась как можно быстрее успокоить мать. - Не подведу вас с отцом, не думайте ничего плохого.

- Уж не подведи, доченька, мы с отцом необразованные, некогда было учиться, чуть не с детства пошли ра-

ботать, он на лесовозе с утра до ночи, я целый день на ногах за прилавком стою, вот и вынуждены ходить в подчинении у придурков-начальников. Так хоть ты выучись и стань самостоятельной!

В словах матери было столько затаенной надежды, что Нина не выдержала, обняла ее за плечи. Конечно, родителей она жалела, старалась угодить им - старательно училась, помогала по дому. И хотя не было между ними душевной близости, ни о чем "таким" они никогда не беседовали, девушка понимала, что и с отцом, и матерью тоже никто в детстве особо не разговаривал - некогда было от работы головы поднять. Все росли сами по себе.

- Только в Братске не останусь, не уговаривайте, поеду в Иркутск.

- Ладно, может, так легче все забудешь... - согласилась мать.

Первые дни после разлуки Нина только и думала об Анатолии. Чуть позднее очень ждала от него письма, по нескольку раз в день бегала к почтовому ящику, висевшему рядом с калиткой, но тот был пуст. Не вытерпев, написала сама, что скучает и ждет. И снова - ни строчки в ответ. Девушка уже не знала, что и думать. Только через два месяца от Анатолия пришло письмо, поразившее Нину: "Здравствуй, моя любимая! Пишу тебе еще одно письмо, потому что на два предыдущих не получил от тебя ответа. В чем причина твоего молчания - не знаю. Или письма ты не получила, или писать не хочешь. От тебя получил я письмо в начале июля, и не понял, почему мое предыдущее послание не дошло до тебя. Теперь же ты молчишь. Что-нибудь случилось?"

Нина догадалась, что прежде письма прятала от нее мать, водившая дружбу с почтальоншей. Она решила дожидаться прихода матери с работы и спросить ее об этом. А пока жадно принялась дочитывать письмо: "Ниночка, думаю, ты поймешь меня, хотя мне неприятно и стыдно писать об этом. Но если ты действительно любишь меня, то поймешь правильно. Я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты была счастлива, поэтому и решил написать тебе правду. Я решил повременить с переездом в Братск и устроился здесь на работу. Хотя мне будет очень трудно без тебя, но думаю, что так будет лучше. Лучше потому, что смогу за год укрепить свое материальное положение, а ты спокойно окончишь школу, получишь аттестат. Приедешь в Минск - поступишь в институт, как ты мечтаешь. Жить будешь у нас, с отцом и мамой я уже разговаривал, а там и до свадьбы недалеко. К тому же с отцом мы решили строить для нас дом на соседней улице, там есть свободный участок. Думаю, что год можно подождать. Главное - я не буду отвлекать тебя от учебы. Ниночка, только не расстраивайся, ведь ты сама хотела сначала закончить школу, поступить в институт, а уж потом думать о замужестве. Пойми меня правильно и поверь, что я не лгу и не собираюсь обманывать тебя, а родители всегда понимали меня и не против того, чтобы ты была со мной, напротив, они очень хотят, чтобы в будущем у меня была преданная жена. Думаю, Ниночка, ты поймешь меня и не будешь осуждать мой поступок, тем более, что я стараюсь для нас с тобой. Разлука усиливает власть того, кого мы любим, поэтому время покажет, насколько сильна между нами любовь. До свидания, моя милая. Жду от тебя ответа. Целую крепко, твой Толя".

Первая мысль, лихорадочно застучавшая в висках: "Обманул, обманул!" А потом: "Нет. Нет! Ведь я же знаю, что он любит меня. Я же видела, как он смотрел на меня, как ласкал - все было переполнено нежностью и любовью. Он любит меня! Любит! И он прав, абсолютно прав насчет учебы".

Пришедшая с работы мать вынуждена была признаться, что первые два письма, по уговору с почтальоншей Дусей, она действительно получала, но порвала и выбросила. "Даже не прочитала, что он тебе написал", - слухавила мать. И обещала больше не вмешиваться, к тому же ее землячка перешла в другое отделение связи.

- Признайся, мама, что читала письма, - не поверила Нина. - Что он хоть в них написал?

- Что написал?.. Писал, что любит тебя, скучает, скоро придет... - хоть тут не повернулся язык у матери сказать неправду.

...Стучат, стучат колеса поезда. Пассажирский состав спешит к заветной станции.

"Как-то нелепо оборвалась тогда между нами связь", - вспоминала дальше Нина. Вскоре пришло еще одно письмо, содержание которого во многом сходилось с прежним. Анатолий выслал свою фотографию, надпись на ней она помнила наизусть: "На долгую память милому другу Ниночке от Анатолия Острикова". Письмо, ненароком оставленное Ниной на письменном столе в своей комнате среди учебников, прочитала продолжавшая любопытничать мать, а потом прямо заявила, что не выдержала и отправила ответ "этому ухажеру" - просила больше не беспокоить ее дочь, не мешать учиться... Только не призналась, побоялась, что дочь на этот раз уж точно отвернется от нее, в каких скандальных выражениях дала отворот-поворот несостоявшемуся зятю: "Куда она поедет в вашу Белоруссию?! Батрачку из нее хотите сделать! Нина останется с нами, возле своих родителей, ты что-то не захотел бросать одних отца с матерью... Умный какой нашелся! Не морочь ей зря голову, знаем мы вас..."

Вольный поступок матери очень возмутил девушку: "Мы же просто переписываемся, никто замуж и не собирается!" Дочь с матерью даже какое-время не разговаривали. Но писать следом оправдательное письмо Нина не стала, в чем-то она была солидарна с матерью, ведь ее Толя обещал сразу вернуться, но потом, посоветовавшись с родителями, передумал и остался дома. Вроде и причина уважительная, но в душе юной девушки, безгранично поверившей своему парню, рождались недоверие, обида: "И даже неполученные мной письма здесь ни при чем". Вскоре и от Анатолия пришел резкий и короткий ответ: "Раз вы меня не хотите, значит - не судьба, девчонки и здесь хватает". Конечно, это оскорбило Нину. В горячке она написала ему еще более дерзкое письмо, которое заканчивалось роковым "прощай". На конверте приписала "лично в руки", опасаясь, что-то кто-нибудь другой может прочесть письмо и дать Толе, как она думала, дурной совет не в ее пользу. На этот раз ответа не последовало. "А я что тебе говорила, доченька? Обрадовался, что можно не выполнять свои обещания", - победоносно твердила мать. Однако Нина уже перестала верить матери, ругала себя за совершенную поспешность, но первой не могла пойти на уступки, переступить через свою девичью гордость, все надеялась, что все-таки Толя сам напишет, а он замолчал. Казалось, навсегда. Нина тогда чуть с ума не сошла. Неустанно думала о нем. По ночам долго не могла заснуть, вставала, зажигала свет и писала ему очередное письмо, потом рвала, решив, что он нашел другую. Безответное, как она считала, чувство постоянно обострялось, особенно, когда Нина, учась в Иркутске в политехническом институте, приезжала домой на каникулы. Девушка бродила по тем же улочкам, по которым они когда-то гуляли вдвоем, на ходу придумывала и шептала незатейливые строки, отдаленно похожие на стихи: "Тебя любила я своею первою любовью, безумною любовью своей... Весна не залечила ран моих, и сердце распахнулось шире для стрел любви - безумной и желанной... моей любви! ...Любимый, приди ко мне, приди... ты только жажду сердца утолить мне можешь..." В другой раз на ум пришли такие путанные строки: "Вдруг счастье разобьется о камень тот... и ты уж не вернешься никогда... не постучишься в дверь... Как страшно мне одной во мгле ночной, а быть с тобой - весь мир готова я обнять... Люблю, люблю тебя...молчи, не знаешь ты меня, я - птица: скомкай крылья, и я погибну... И готова я заглянуть в глаза твои, окунуться в синь и сказать "люблю"... На рассвете, распростерши руки, потянуться к солнцу..." Нина осознавала, что это безумство, но ничего не могла с собой поделать. Душевные муки то отступали, то разгорались вновь. Спасали учеба в школе, вузе, потом отвлекло скоропалительное замужество.

Со своим будущим мужем Нина училась в одной группе. Общались как закадычные друзья: вместе зубрили в читальном зале сопромат, готовили шаргалки к экзаменам, ходили в кино и "чушь прекрасную несли". И вдруг Мишка, необъятной фигуры добряк, душа компании предложил Нине: "Давай я тебя сегодня с предками познакомя".

Возможно, никакого знакомства и не состоялось бы. Но на первых зимних каникулах - после успешно сданной сессии - Нина побывала у родителей. Случайно на улице она встретила Олега. Сосед проговорился, что Анатолий приглашал его на свадьбу, да он поехать не может - сам скоро женится. "Вот и определился мой Толенька, - с тоской подумала Нина и всю ночь проревела. И лишь к утру стала себя утешать: - Не плачь, произошло то, что должно было произойти, когда между людьми тысячи километров. Выходит, теперь у меня руки развязаны..."

Примерно через год произошли события, которые Нина еще долго воспринимала как страшный сон. Порой ей хотелось содрать с себя кожу и заново родиться на свет. А случилось вот что.

Двоюродная сестра Галя выходила замуж за парня, которого дождалась из армии, и пригласила Нину свидетельницей на свадьбу в Ангарск, где жили родители жениха. "Счастливая ты, Галка!" - радовалась за сестру Нина. И охотно согласилась на предложение. Свидетелем оказался друг жениха, внешне сильно похожий на Анатолия. "Бывают же двойники!" - отметила про себя Нина и стала неволью присматриваться к новому знакомому. Но кроме внешнего сходства ничего общего не оказалось. Свидетель по имени Валерий был не в меру словоохотлив, смеялся по малейшему поводу, когда другим было совсем не до смеха. "Наверное, нервничает", - решила Нина и ...стала тоже смеяться. Как рассказывала потом Галя, не было на свадьбе веселей пары, чем свидетели, которые даже не заметили, как невесту украли и только через час вернули.

Во время свадьбы свидетель то и дело в упор смотрел на Нину. "Влюбился, что ли?" - смеялась девушка. Вместо ответа Валерий увлек ее за руки и закружил среди танцующих гостей. А те уже шептались: не пришлось бы скоро еще одну свадьбу играть. К концу застолья, вдоволь наплясавшись и накричавшись "горько!", Нина с Валерием сбежали к нему домой. Жил он тогда один, мать уехала погостить к сестре в Хабаровский край, отца давно не было в живых. Все это парень успел поведать, пока они быстрым шагом спешили к дому напрокат. А едва переступив порог своей квартиры, стал рассказывать, как у него тоже была девушка, с которой он с восьмого класса дружил, но она не дождалась его из армии, выскочила замуж за заезжого ухажера и укатила с ним куда-то под Красноярск. Неожиданно для себя Нина тоже открылась. По всему выходило, что встретились два обманутых человека, практически собратья по несчастью. И Валерий расхрабрился, пошел ва-банк:

- Давай и мы поженимся!

- Ой, напугал! - кокетничала Нина.

- Я серьезно, ты одна, я тоже не занят, хоть завтра пойдем в загс, а?

- Завтра воскресенье, - девушка все сказанное принимала за игру.

- Какая разница, до понедельника я тебя все равно не отпущу. Выходи за меня!

Нина вдруг ласково погладила по щеке Валерия:

- Конечно, Толя, я согласна, ведь ты же обещал...

Утром свидетели проснулись в одной постели. Нина украдкой ощупала себя - так и есть, это произошло. "Все, по рукам пошла..." - она будто смотрела на себя с высоты. Тело лежало на кровати, а душа отделилась и взирала на это новоявленное женское тело с укором.

Боясь разбудить Валерия, Нина как можно тише оделась и хотела незаметно уйти, но парень уже проснулся, стал удерживать ее силой. Нина вырывалась, настойчиво просила проводить ее на автостанцию, откуда через час отходил автобус до Иркутска. Новоявленный "муж" категорически возражал:

- Ты же согласилась в загс, мы теперь муж и жена, все теперь у нас общее: и радости, и неудачи - ты сама так вчера говорила.

- Мало ли что я наговорила! Сегодня - все по-другому, - Нину раздражало это бесполезное выяснение отношений, и сам Валерий казался ей теперь, утром, совсем чужим.

- Как так? - удивился ухажер.

- Так. У меня и паспорта с собой нет, а без него не примут заявление.

- Паспорт у тебя в сумочке, вчера вместе проверяли.

- Слушай, мы обязательно сходим в загс, только мне надо родителей в известность поставить - у нас вообще-то так принято.

- Обманешь ведь, - не верил Валерий.

- Нет, обещаю, что вернусь через неделю, в крайнем случае, через две, - Нина была готова на любое вранье, лишь бы вырваться из этой злополучной квартиры. Ей не верилось, что все произошедшее ночью случилось именно с ней: "Неужели это я? Та самая скромная девушка, которую мог полюбить Анатолий?"

- Какие две недели? Я не отпущу тебя совсем, ты теперь моя, понимаешь? Я - твой первый мужчина, твой муж, а ты - моя жена.

- Я все помню, - медленно, уже с ненавистью глядя в глаза "мужу", произнесла Нина.

- Только ты ночью называла меня почему-то Толей, Толенькой. Забыла, что меня Валеркой зовут?

- Что с пьяной взять... - пыталась отшутиться Нина.

- Да ты вроде и не сильно на свадьбе пила, в основном шампанское - за здоровье жениха и невесты.

- У меня в этом деле тренировки нет, и малого хватило.

- Это точно, без привычки и не такое может случиться, тем более со слабым полом.

- Хватит зубы заговаривать, одевайся и провожай меня, пока еще автобус не ушел! - решительно скомандовала Нина и сама удивилась своему властному тону, так резко она еще ни с кем не разговаривала.

Недовольный бегством Нины, Валерий выговаривал ей по дороге на автостанции:

- Ты так страстно отдавалась вчера... все время шептала "Толя, мой Толенька..." Что за парень, я его знаю?

- Нет. И не узнаешь.

- В смысле?

- В смысле, что вы не знакомы. Отстань!

Пока автобус следовал до Иркутска, Нина беспрестанно ругала себя: "Что я натворила! Вдруг все еще вернется назад, и мы снова встретимся с Толей, что я тогда ему скажу? - Но тут же другой голос просыпался в глубине души и набирал силу: - Да что ему говорить! Он сам сейчас милуется с молодой женой, а ты переживаешь, наивная. Забудь и живи дальше. Не ты первая и не ты последняя. Надо жить! Не зачеркнуть все, что испытано, не начать с белого листа - это из области фантастики. На деле - мучайся своим настоящим и делай выводы. От судьбы не уйдешь, или, как говорит моя бабушка, не спрячешься на печи. Что предначертано - вытерпи".

Однако на этом история "замужества" не закончилась. Сестра Галя дала адрес Нины несостоявшемуся "мужу", да и сама написала ей грозное письмо: "Совратила парня и в кусты?!" А Валерий засыпал любовными посланиями, каждую неделю комендант общежития передавала их Нине, которые она поначалу читала - без всякого интереса, а потом, не распечатывая конверты, стала просто рвать и выкидывать в мусорное ведро. Не получив ни одного ответа, Валерий нагрянул без предупреждения. Причем для храбрости принял на грудь - запах водки донесся еще с порога. Отвергнутый сначала уговаривал, потом настойчиво требовал, угрожал. Не сдержавшись, обзвал "невесту" подстилкой, хотя прекрасно знал, что это не так. Тут же, правда, стал просить прощения, но ничего уже не действовало на Нину! Словно внутри все выгорело. Она совершенно не чувствовала себя жестокой, как назвала ее Галя в письме. Ведь ее, Нину, считай, тоже бросил Анато-

лий, и ничего - жива, вот и Валерий переживет, ничего с ним не сделается. Все друг друга обманывают, видимо, жизнь состоит из обманов и предательств. Она только с сожалением смотрела на Валерия, сравнивая его с Анатолием, - тот бы не позволил себе так пошло разговаривать с ней. Хотя, кто знает, ведь было же от него тогда резкое письмо, без оскорблений, конечно... С большим трудом удалось выпроводить надоедливую "жениха", в бессилии бросившего на прощанье: "Ты никогда не выйдешь замуж, вот тогда вспомнишь меня, но будет поздно!" И тут Нина чуть было не дрогнула, едва не слетело с губ: "Ладно, пусть будет по-твоему, стерпится-слюбится, живут же люди и ничего, детей рожают, кому повезет и до золотой свадьбы дотягивают...", но в последнюю секунду одернула себя. Обиженный непониманием, Валерий хлопнул дверью, а Нина, оставшись одна в комнате, безудержно разревелась - тоска по любимому, как мощная волна, в который раз обкатила ее с головы до ног.

Вскоре, в один из весенних выходных, Нина вышла из душного общежития прогуляться на свежем воздухе. В последние дни ее подташнивало, и она, кое-что слышавшая от соседок по комнате о симптомах беременности, засомневалась - уж не забеременела ли она от Валерия? К тому же, задерживались месячные. "Нет, не может быть, с первого раза только в книгах сразу "залетают", - успокаивала она себя. Но тревога нарастала. Пройдя по тротуару вниз, Нина вспомнила, что недалеко от парковой рожицы стоит небольшая деревянная церковь. Ее давно тянуло в нее, и в Пасхальную ночь она чуть было не отправилась туда с однокурсницей, но та вдруг передумала, а одна на такой необычный в советское время поход девушка не решилась. По дороге Нина вспомнила об Анатолии, о том, что натворила на свадьбе в Ангарске, но ни с кем не могла - боялась непонимания и осуждения! - поделиться сокровенными переживаниями. "Может, со священником поговорить, совета попросить, как жить дальше с этим грузом, они же умные, понимающие люди, не зря их в семинариях учат", - Нина свернула в переулок, ведущий к храму. Каково же было ее удивление, когда напротив церквушки, стены которой были окрашены в коричневый, а купола в зеленый цвета, она обнаружила серое одноэтажное здание с табличкой "Гинекологическое отделение горбольницы № 3 г.Иркутска". Немыслимое соседство! Это тот самый абортарий, догадалась Нина, о котором она знала от одной знакомой девушки, успевшей побывать здесь, когда парень, с которым она подружилась не один год, без всяких объяснений, съехав из общежития на съемную квартиру, отказался на ней жениться. Получается, если не в церковь, то сразу на избавление от "греха" или "обузы" в это неказистое строение. От неожиданности Нина присела на попавшуюся по пути скамейку. Только тут она заметила, что совсем рядом, за редкими деревьями, проходил железная дорога, по которой в это время двигался товарный состав. Казалось, он неумолимо надвигался на православный храм и мог своей мощью раздавить, разнести его в щепки. Но, совсем близко приблизившись к церкви, поезд отвернул в сторону. "Ух!" - перевела дух Нина.

Войдя в церковь, девушка старательно вытерла ноги о лежащий у порога домотканый круглый коврик. Заметила, что за ней с любопытством наблюдает опрятной внешности старушка, сидящая возле стены на табуретке. У нее-то Нина и спросила, как ей поговорить с бабушкой. На что та ответила:

- Сегодня День девяти мучеников - самый благополучный день для лечения. Служба будет в четыре вечера. Вот после нее останешься и подойдешь к нему, он у нас внимательный - выслушает, совет даст. Зря ничего не скажет, не бойся, подойти.

В этот момент мимо проходила неопределенного возраста худощавая женщина в черном одеянии, по всей видимости, одна из служительниц церкви. Она слышала слова старушки и добавила:

- Осталось полчаса, ждать недолго.

Нина осмотрелась и отправилась рассматривать иконы. Прошло еще какое-то время, церковь наполнялась

пожилыми прихожанками, молодых или средних лет не наблюдалось. Девушке даже стало не по себе: вокруг эти мрачные старухи в темных платках, да еще этот необычный запах - то ли от свечей, то ли еще от чего... Вспомнила недавнюю лекцию по научному атеизму, про "опиум для народа". Однако повернуть назад не решилась: раз пришла, жди. Она направилась к самой большой иконе - Божьей матери с младенцем. Подойдя вплотную, не удержалась и потрогала чуть поблекшие краски.

За этим занятием ее и застал приход священника. Прихожанки разом зашептались: "Батюшка! Батюшка пришел!" Им оказался молодой мужчина лет двадцати пяти - тридцати лет, среднего роста, со светлой аккуратной бородкой. Внимание Нины привлекли и ярко-голубые глаза. "Пронзительные", - отметила она про себя. По храму батюшка передвигался быстро. Он зашел за перегородку и стал снимать черное пальто. "Как же мне с ним откровенничать, он такой молодой, стыдно даже обращаться к нему..." - девушка растерялась.

Во время службы Нина старалась понять смысл произносимых священником слов, но получалось плохо. Церковный мир пока что не открывался ей. Запомнила только, что Бог велит не разрушать любовь, беречь ее... Если сердце воспитано в любви, то и любовь придет... Любовь - высота совершенства и к ней надо стремиться... Тот спотыкается, кого Бог не поддерживает... "Значит, меня он не поддерживает, да и кто я для него? Не знаю даже, крещена или нет, скорее всего, не крестили в детстве, другое время было", - мысленно рассуждала Нина.

Закончилась проповедь, старушки, получив благословение батюшки, стали расходиться. Священник так же оделся за перегородкой и направился к выходу. На секунду он задержался, внимательно посмотрел на девушку, как бы вопрошая: у Вас есть ко мне какая-то просьба? Но Нина, оробев, в ответ только молча смотрела на него, а потом и вовсе потупила глаза.

- Приходите в церковь, - негромко произнес батюшка. На это их так и не начавшийся диалог закончился. Больше Нина в храме не появилась. Это случилось намного позже, в девяностые.

Зато веселье в середине семидесятых в общежитской комнате, где жила Нина с однокурсницами, не прекращалось - то сессию сдали, то Новый год, то 8 Марта. К тому же беспокойство девушки насчет подозрительной тошноты оказалось напрасным. Ни раньше и ни позже, а именно возвращаясь из церкви, ей вновь пришлось проходить мимо серого корпуса абортария. И тут девушку охватил небывалый страх перед возможностью оказаться в этом мрачном медицинском заведении, от которого будто исходил запах смерти. Нину резко бросило в жар, казалось, что лицо вот-вот вспыхнет... Присев на скамейку, чтобы прийти в себя, она вдруг почувствовала, что кровь хлынула не только к лицу... "Неужели господь помог, пожалел непутевую на первый раз? А если бы я оказалась беременной? Позор и упреки это одно, другое - что могла и не решиться избавиться от ребенка, пусть зачатого и не от любимого. На этот раз пронесло, в другой - навряд ли", - обрадованная неожиданным облегчением, думала Нина.

Как-то собрались тесной компанией однокурсниц. На столе - любимый тазик с виноградом и венгерское вино в бутылках с ленточкой. В разгаре девичника Нина стала зачитывать сочиненные ею недавно фразы, что-то вроде "философских формул", в смысле которых она сама сомневалась. Придуманное на скорую руку касалось интимной стороны отношений противоположных полов. Слегка захмелевшую девушку несло:

- Что теряет эмансипированная женщина? Женственность. Однако уместно заметить, что если это по-настоящему умная женщина, она никогда ее не потеряет. Или вот... Какой вред приносит случайные половые связи? Прописная истина - опустошают духовно, хотя кажется, что все случайности проходят бесследно. Опустошенность, как червь, съедает лучшие качества человека. А может таким образом умереть хорошее начало в челове-

ке? Нет. Кроме того, что в нем что-то умирает, рождаются новые хорошие черты.

- Вранье! - вставила одна из собравшихся.

- Не мешай, потом обсудим. Давай, Нина, дальше, - попросила другая.

- Какое чувство испытывает женщина, ложась в холодную постель? Тоску по теплоте плечу мужчины. Что может быть прекраснее, чем чувствовать рядом любимого! Интересно, а что испытывает в этом случае одинокий мужчина? Уверена, то же самое. А вот мое любимое высказывание. Любить - дар природный. Влюбляться, а это чувство часто сравнивают с увлечением, может каждый или почти каждый. А вот любить... Точно так же, как не всем дано петь или писать стихи.

- Ой, что-то ты, Нин, грустное читаешь, есть там у тебя что-нибудь такое... ты понимаешь, да? - подмигнула самая энергичная в компании девушка, под шумок разливая в стаканы оставшееся вино.

- Есть всякое. Вот, например... Как может чувствовать себя женщина, когда наутро ей скажет мужчина: "В тебе недостает темперамента"? Или что-нибудь подобное... Точно так же, когда начитанной особе говорят, что в ее словах мало умных мыслей. А вот еще... Что думает мужчина, спрашивая у женщины: "Тебе приятно?" Прежде всего, он хочет узнать, каков он сам, способен ли удовлетворить женщину. И если она отвечает "да", он думает: "Слава богу, все в порядке". А если "не знаю", то тут уже дело обстоит сложнее. Начинаются попытки отыскания причин: или он недостаточно хорош, либо партнерша имеет патологические недостатки.

- Почитай, почитай еще! - просили девушки. Они были в том самом возрасте, когда любая интимная деталь вводила в смущение, при этом не уменьшая любопытства.

- Ладно, слушайте... В чем разница значения половой жизни для проститутки и любящей женщины? Для первой это работа, для второй - истинное наслаждение.

Подружки притихли.

- Продолжать или хватит?

- Продолжай!

- Ладно, в заключение... - Нина перелистнула страницу общей тетради: - В чем истинный критерий взаимоотношений между влюбленными? Это совокупность половой любви с духовным миром обеих сторон. Во как! Истинный же критерий посредственных мужа и жены? Половая жизнь. Критерий любящих друг друга мужа и жены? Половая любовь.

- А духовный мир куда подевался? Только постель и все? - искренне недоумевала одна девушка.

- Не постель, а любовь...половая...страстная до жути! - рассмеялась другая.

- И последнее, напоминайте, наивные... Почему женщина боится первой признаться в любви? Если она это сделает, то мужчина твердо будет знать, что она от него никуда не денется. И это даст ему повод для более "легкого" обращения с ней, по принципу "что хочу, то и творю".

- Ворочу, - поправила одна из девушек.

- Какая разница! - напустилась на нее "энергичная".

Такие вот пестрые события и страсти предшествовали появлению Нины в доме влюбленного в нее однокурсника Михаила.

...Приехав с ним в родительскую упакованную квартиру в Кировском районе Иркутска, Нина была поражена богатой мебелью - импортной, конечно! На красиво сервированном столе ждали своего часа шампанское, коньяк, бутерброды с красной икрой, жареная курочка, салат с кальмарами, бананы. Отец Михаила оказался обкомовским работником, имеющим доступ к определенным благам, а мама преподавала в торговом техникуме.

В общем, болтливый однокурсник, которого даже в смелых фантазиях Нина не рассматривала как мужчину, предложил ей, красавице и отличнице, руку и сердце. В этот момент его "родичи" смотрели на Нину по-отечески заботливо, будто уже приняли ее в свою дружную семью. Отказаться было практически невозможно, да и промель-

кнула мысль: "Мама с папой будут довольны таким престижным родством". На пятом курсе, перед окончанием института, без пяти минут дипломированные специалисты расписались. Было все - дорогостоящее свадебное застолье в ресторане, приличные подарки, веселые напутствия однокурсников... Вот так, оказывается, можно выскочить замуж - без любви, практически по расчету. Нина сама себе удивлялась. Порой ей казалось, что она исполняет чью-то чужую роль, до поры до времени прекрасно с ней справляясь.

Однако эйфория закончилась. Наступило осознание, что сделан опрометчивый шаг, и дальше придется просто плыть по течению. Внешне молодая семья выглядела образцово-показательной ячейкой общества. Но все чаще Нина допоздна задерживалась на работе, ссылаясь на авралы, а дома у нее вдруг начинала "болеть голова". Укладываться в одну постель с положительным, но нелюбимым человеком, к тому же, как выяснилось, не очень пылким любовником, стало пыткой. Михаил оправдывался: "Я тебя боюсь, что не сделаю - все не так". В порыве выяснения отношений жена безжалостно напоминала мужу его конфуз перед первой брачной ночью, которой не было, потому что новоявленный супруг струсил, и не нашел ничего лучшего, как напиться и уснуть. К следующей ночи он, в действительности на дух не переносящий алкоголь, все еще не мог оправиться от тяжелого похмельного синдрома. Беспокойно ворочаясь на диване, Михаил клялся, что такого больше не повторится. В ожидании полного выздоровления, законным мужу и жене снова пришлось спать врозь. С годами, в отместку что ли, Михаил стал привередливым: то рубашка плохо отглажена, то носки недостаточно отстираны. Словом, оказался тем еще волком в овечьей шкуре. "Не зря говорят: замуж выйти не напасть... И, наверное, господь правильно не дает нам детей", - грустила Нина, представляя, каким заботливым и предусмотрительным семейником, мужем и отцом их детей мог быть Анатолий, как бы она любила его каждой клеточкой своего организма.

В такие минуты она повторяла про себя запомнившиеся еще со студенческих лет стихи, которые она записала в тетрадь вместе с другими. Автора она не запомнила, да и тетрадь неизвестно где затерялась, а вот лирические строки врезались в память накрепко:

Нет, над любовью мы не властны.
 Все крепче с каждою весной
 Она овладевает мною.
 Мои старания напрасны:
 Я не могу забыть,
 Из сердца вырвать невозможно.
 Все так запутанно и сложно...
 И трудно в памяти носить
 Счастливых дней воспоминанье -
 Касанье рук, сиянье глаз;
 Где каждый миг и каждый час
 Нам радость нес и нес страданье.
 Но если б все вдруг повторилось...
 Мы жизни путь вдвоем с тобой,
 Одной счастливою судьбою,
 И сердце б с сердцем рядом билось!

...За окном вагона мелькают пригороды Минска. Появилось и внушительное здание железнодорожного вокзала. "Господи, дай мне сил пережить встречу с ним и все, что я узнаю о его жизни теперь!" - как заклинание твердила Нина, сойдя на платформу.

Пройдя через зал ожидания, она нашла справочное бюро, узнала, как доехать до окраинного поселка, где жили родители Анатолия. Все ее действия в тот момент были уверенными. Со стороны Нина выглядела деловой женщиной, способной найти правильное решение в любой ситуации. Непростая работа в строительно-монтажном управлении выработала для этого определенные навыки.

Решив не ждать автобус, Нина взяла такси. Проезжая через центр столицы Белоруссии, она отметила его красоту и величие, а ведь город был практически заново

отстроен после войны. К счастью, попался пожилой, разговорчивый таксист. Видя, что приезжая женщина с любопытством осматривает здания Минска, он пояснял ей, что где находится.

По мере приближения к поселку, сердце Нины стало по-другому биться, временами оно совсем замирало. Она уже плохо понимала, о чем рассказывал бывалый таксист. Вот они въехали на нужную улицу, такси остановилось напротив добротного дома. Нина щедро, не по счетчику, расплатилась и с трудом выбралась из машины. Дрожь в коленях усилилась, ноги подкашивались. Изюм сил сдерживая разыгравшееся волнение, она подошла к калитке родительского дома Анатолия. Не обращая внимания на табличку-предупреждение "Осторожно, злая собака", стала сильно стучать железным кольцом калитки. "А вдруг Толя снова вернулся к жене, и его здесь нет? Что я тогда скажу его родителям?" - пронеслось в голове.

Дежурным лаем откликнулась собака. "Неужели никого нет дома?" - Нина устало усмехнулась, но тут же увидела, как на крыльцо вышел мужчина лет тридцати пяти. На нем были мятые клетчатая рубашка с коротким рукавом и светлые брюки, а на босу ногу надеты домашние шлепанцы. Поразило его лицо: худое, небритое...

И хотя внешний вид озадачил Нину, но любимого она узнала сразу - он! Анатолий спустился с крыльца, подошел ближе:

- Вам кого? - неуверенно спросил Анатолий. Он, похоже, не признал ее, потому что видел перед собой яркую молодую особу - с модной стрижкой, накрашенными перламутровой помадой губами, а не ту застенчивую девочку из далекого Братска.

Нина не успела ответить, как Анатолий сморщил лоб, словно что-то припоминая, открыл калитку и, заметно волнуясь, тихо спросил:

- Нина? - И тут же открыл калитку: - Входи.
 - Толенька! Не узнал? Не узнал? - Нина не смогла сдержать слез. Зажмурив глаза, ткнулась в его грудь головой.

Анатолий, дав Нине немного поплакать, взял ее лицо в руки, приблизил к своему:

- А ты совсем не изменилась. Нет, стала еще лучше...
 - Скажешь тоже... - Нина поправила волосы.
 - Почему не предупредила? Я бы встретил.
 - Специально не сообщила, чтобы ты не готовился.
 - Да что тут готовиться, приехала и - нормально. Пойдем, - Анатолий жестом руки пригласил Нину в дом, пропуская ее вперед.
 - Давай сумку, - Анатолий взял из рук гостьи дорожную поклажу.

Проходя по деревянному настилу, Анатолий как-то обыденно произнес:

- Живем вот так скромно, сама все увидишь... Хорошо, что на огороде все выросло - хоть лопатой гребь, - он показал в сторону грядок, на которых буйно росла всякая зелень. - А там сад, потом посмотришь.

Нине показалось, что Анатолий не настолько рад, как она себе это представляла. Она слегка прикусила губу, чтобы не вырвалось: "Это же я!" И стала придумывать на ходу:

- Я, собственно, проездом. А так вообще еду в служебную командировку в одну проектную контору. Будем в своем городе строить новый Дворец культуры. Ну и вот... решила заодно на тебя посмотреть, столько лет не виделись...

- Тринадцать!
 - Ты у родителей сейчас живешь?
 - Погоди с расспросами... У них, конечно. И почему "заодно"? Ты, кажется, еще раньше обещала приехать, чтобы нам обо всем договориться, я твои последние письма все храню и перечитываю. - Анатолий остановился и внимательно, как прежде, посмотрел на Нину. Их глаза снова встретились, как тогда, в начале семидесятых: - Вот и поговорим, наконец...

При упоминании о недавних письмах в голове молодой женщины молниеносно пронеслось, при каких обстоятельствах она написала их Анатолию. Чуть более по-

лугода назад Нина случайно встретила на троллейбусной остановке в Иркутске того самого соседа Олега. Тот привозил отца, участника Великой Отечественной войны, на обследование в областную больницу. Олег рассказал, что до сих пор, правда, все реже, один-два раза в год, переписывается с армейским другом: "Больше открытки с праздниками друг другу шлем". Олег доверительно сообщил, что у Анатолия разладилась семейная жизнь, он даже хотел завербоваться куда-нибудь на север. Но родители настроены категорически против: оба болеют, да и боятся, что от беззаботной жизни, работа почему-то в счет не шла, их сын может там спиться.

- Между прочим, - признался Олег, - о тебе спрашивал, просил твой новый адрес написать. Я у твоей матери попытался узнать, как-то встретил ее в магазине, так она меня отправила куда подальше, говорит, не мешайте Нине нормально жить, мол, она удачно замуж вышла и нечего ее с пути сбивать. - И, как заговорщик, добавил: - Кстати, если что, то его отец с матерью живут по старому адресу, а он, сдается мне, у них сейчас и живет, точно не скажу, он мне про это что-то не написал, забыл, наверное.

- Адрес я сохранила, - сдержанно ответила Нина.

- Тогда бывай! Да, поздравь, у нас с Надюхой недавно второй сын родился - богатырь, весь в меня. А у тебя, Нина, дочь, сын?

- Никого.

- Вот это новость! Твои предки никогда ничего не расскажут! А Толя-то ничего и не знает...

- Узнает... - как-то загадочно пообещала Нина.

Долго не раздумывая, она отправила письмо в Минск: "Пусть будет, что будет, - отчаянно решила она. - Даже если не ответит, буду знать, что пыталась изменить свою судьбу". В письме Нина просила Анатолия не удивляться ее посланию, а черкнуть хотя бы в двух словах, как у него дела, как складывается личная жизнь. И коротко написала, что вышла замуж, детей нет, мужа не смогла полюбить, потому что до сих пор не забыла его, Толю. Вскоре "до востребования" пришел ответ, Анатолий сообщал, что ушел жить в родительский дом, намечается очередной отпуск, и он хотел бы встретиться. Но Нина испугалась такого быстрого поворота, упрекнув его в том, что он пока официально не разведен, а уже строит смелые планы, да и она тоже замужем... И пообещала, что сама приедет в Минск, как только появится возможность. Не выдержав, Анатолий в очередном письме просил Нину заказать телефонные переговоры в удобное для нее время, чтобы договориться о встрече поточнее. Но снова Нина просила его потерпеть: вот-вот она вырвется, скорее всего, командировка подвернется. В крайнем случае - попросит отпуск, вот тогда и... Нина осторожничала, сразу ничего не обещала, ведь однажды обжегшись на молоке, она дула на воду. Вот увидятся - тогда их отношения определятся окончательно. В какой-то момент она вдруг решила, что никуда не поедет - дважды в одну реку не входят, вода в ней другая, а та, прежняя, давно утекла. Тогда не выдержал Анатолий и заказал переговоры. Получив почтовое извещение, Нина в положенное время явилась на телеграф, стала ждать. Такого волнения она давно не испытывала. Вот-вот ее вызовут в свободную кабину... Боясь, что сердце не выдержит, когда услышит родной голос, давно запавший ей в душу, Нина медленно поднялась, будто в чем-то еще сомневалась и... направилась к выходу. В этот день она до вечера бродила по обожжаемому ею старинным улицам Иркутска. Так не хотела возвращаться домой!

Прошло еще несколько месяцев, Анатолий ее уже не беспокоил. Однако постоянные мысли о нем не давали Нине покоя. Дождавшись отпуска в июле, и кое-как пересилив сомнения, она все же купила билет на поезд, но не сообщила Анатолию о дате своего прибытия. Почему-то ей казалось, что так будет вернее, и она сможет сделать правильные выводы, застав ситуацию такой, какой она окажется на самом деле, без подготовки. Мужу Нина соврала, что едет на курорт под Минском, там, говорят, эффективно лечат от бесплодия. Впрочем, обманывать

Михаила стало практически привычкой, и делала она это без всякого угрызения совести.

...В доме пахло свежее испеченным хлебом. Почти следом за Анатолием и Ниной вошла пожилая, но еще крепкая на вид, полноватая женщина с просторной клеенчатой сумкой.

- А я с базара иду, все так шустро распродала, думаю, кто это к нам прибыл? - она вопросительно посмотрела на Анатолия.

- Познакомьтесь, мама, это Нина. Та самая...

Поспешно поставив сумку на пол, женщина всплеснула руками, протянув их затем Нине:

- Здравствуйте! С приездом! Меня Марией Филипповной кличут.

- Приятно познакомиться, Толя о вас много рассказывал, - Нина обрадовалась радушию его мамы.

- Проходите, садитесь, - Мария Филипповна указала на стул в прихожей, служившей одновременно и комнатой. - На поезде приехали?

- Да, пять суток добиралась, через Москву.

Вспомнив о гостинцах, Нина принялась выкладывать на стол из дорожной сумки дефицитные по советским меркам презенты - несколько банок бразильского кофе, цейлонский чай в красочной жестяной банке, приличных размеров коробку конфет.

- Ой, да что Вы придумали, у нас все есть. Спасибо, конечно, такую даль везли...

- Ну что Вы, это так, небольшие презенты, чем богаты, как говорится.

Нина бросила короткий взгляд на Анатолия. Тот все еще топтался у двери.

- Сынок, - выручила мать, - гостя с дороги, надо бы баньку подтопить, дрова там уже лежат. А потом сходишь в магазин, грех такой приезд не отметить. Купишь только шампанское с вином, водку не бери, от нее одна дурь в голове и никакого удовольствия. - И добавила многозначительно: - Деньги сам знаешь, где лежат...

Как только Анатолий вышел, Мария Филипповна села напротив Нины:

- Вы как к нам приехали: насовсем или проведать? - мать Анатолия с надеждой смотрела на Нину. Та замялась, пожав плечами.

- Ладно, разберетесь потом, - обнадежила Мария Филипповна. - Ведь он, - она кивнула головой на дверь, за которой скрылся ее сын, - ушел от жены и дочки. Больше полугода у нас живет.

- Так, может быть, еще вернется... - осторожно предположила Нина.

- Какое там! А теперь уж точно не пойдет назад, раз Вы приехали.

- Всякое бывает...

- Не бывает. Вот послушайте меня, - Мария Филипповна придвинула стул поближе. - Когда он после армии пришел, все о Вас рассказывал, показывал Вашу карточку, она и сейчас где-то у него хранится... Отправившись у нас вернуться в ваш город, мол, уеду к ней, устроюсь там на завод, буду жить в общежитии, а она пока пусть школу заканчивает. Мы, конечно, воспротивились с дедом: еще не успел приехать, а уже назад торопится. Устраивайся лучше здесь на работу, год пролетит быстро, и не заметишь, а девушка твоя пусть пока учится, аттестат получает, а потом уж и приедет к тебе, поступит в институт, у нас тут полно всяких разных. Вот об этом он Вам и написал, а Вы вроде как не поняли его задумку.

- Называйте меня на "ты", ладно?

- Ладно. Ну и вот... Я спрашиваю, договорился ты со своей Ниной, она согласна с твоим предложением, а он в ответ - ни слова. Все хмурый такой ходил, его друзья на танцах невест выбирают, а он дома сидит. Поставит твою фотографию на стол, сидит и смотрит на нее. Мы с отцом совсем голову потеряли: может, с тобой что случилось, доченька, мало ли? Это опосля уж мы все узнали, как твоя мама его отбрила... Ее тоже понять можно. Но все равно обидно, что мы, звери какие, чтобы тебя, такую молоденькую эксплуатировать по хозяйству, сами еще в силе.

Нина не поняла про "эксплуатировать", но решила не уточнять, вспомнила в этот момент свою мать и снисходительно улыбнулась.

- А Вы тоже читали мамино письмо?

- Читала, потом уж, не сразу. Прибиралась в Толиной комнате, ну и... не вытерпела. Ты не обижайся, доченька. Сама станешь матерью - поймешь родительские тревоги. Бывает, что и любопытничаем иногда, нос свой без спроса суем... Да, забыла сказать, что когда Толя с армии вернулся, поговорили мы втроем - он, отец и я - и решили, что, когда привезет тебя, или ты к нам сама приедешь, то вам лучше жить отдельно от нас, стариков. Мы-то не против были, чтобы всем вместе жить, места, сами видите, сколько хочешь, и флигелек еще во дворе имеется, но он у нас все к самостоятельности стремился. И решил строиться - недалеко отсюда, на соседней улице. Но стройку пришлось начать позже, когда уж женился.

- А когда Толя женился?

- Да почитай года через полтора, как вы расстались. Зимой, весну прострадал, а потом уж... - Мария Филипповна на секунду умолкла, словно что-то припоминая. - К лету вроде ожил, стал в кино, на танцы ходить. А однажды вечером, перед самым Новым годом, как снег на голову, привел в дом дивчину: "Вот, мама с папой, женись!". Дивчина оказалась дочкой нашего участкового фельдшера, мы и раньше ее знали. Сыграли свадьбу, больше половины поселка на ней гуляла.

- А я на последнем курсе замуж вышла, за однокурсника, - вставила Нина.

- По любви хоть? - прямо спросила Мария Филипповна

- Нет, конечно, могли бы и не спрашивать...

- Да... Чего только на свете не бывает, - вроде как виновато вздохнула Мария Филипповна и опустила глаза.

На несколько секунд обе женщины замолчали, наступила неопределенная тишина. За окном было слышно, как мимо дома проехала машина. Выручила Нина:

- Сыграли свадьбу... И что было дальше?

- Ага... - вновь оживилась Мария Филипповна, - год молодожены прожили у нас, здесь и дочка у них народилась, теперь и не узнаешь - такая большая вымахала, а к следующей осени и свой дом был готов. Строили всем колхозом, как говорится. После смены на заводе, Толя на тракторный завод сразу устроился, покормит его жена, она тогда уж в положении ходила, и идут всем гуртом топорами махать. Отец помогал, сосед, дядька. Все потом на новоселье шумно отгуляли!

Нина внимательно слушала. На какой-то миг она даже почувствовала свежий бревенчатый запах, обещающий в новом доме долгую семейную жизнь. И все это было не с ней! Ничего не подозревающая Мария Филипповна, продолжала рассказывать:

- По первости счастливо у них семейная жизнь протекала - мы нарадоваться не могли. Толя добил-таки свой техникум, до армии же еще начинал учиться, на заводе его сразу мастером поставили, а жена у него, это я к слову, до сих пор в поликлинике медсестрой работает. Жили справно, что зря скажешь, он хозяином был, да и Татьяна сложа руки не сидела: как не зайдешь к ним - в комнатах чистота и порядок, покушать всегда сготовлено. Словом, жили бы так и горюшка не знали, если бы один болтун тут не проболтался, вернулся откуда-то, вроде даже сидел где-то, что он еще до Толика с Танюшкой дружил, мол, дочка от него. Всему околотку разнес эту новость, стал Татьяну после работы караулить, вроде как они встречались даже, точно не скажу. Скандалы начались, разлад... Мы сына уговаривали: не верь, полно детей рождаются семимесячными. Бесполезно! - рассказчица развела руками. - Еще какое-то время промучились они под одной крышей: день через день нервы себе трепали... Только всякому терпению когда-нибудь приходит конец. Вот и Толя в один прекрасный момент собрал чемодан и к нам перебрался! А тут и Ваше письмо как по заказу подоспело. Все разом навалилось на него, видно, опять вспомнил, что промеж вами любовь была...

- Была и осталась, - подтвердила Нина.

- Вот оно как!..

- Так...

- Ну да, зачем бы ты тогда в такую даль ехала, - понимающе подытожила Мария Филипповна, - Письмо твое, доченька, мы с отцом передали Толе лично в руки. Не утаили! Мой-то сразу не хотел отдавать, все надеялся, что они помиряются, но я настояла, ведь, чего греха таить, думала, если у них все наперекосяк пошло, так, может, у вас снова все сладится. Тем более детей у тебя от первого брака нет, а с Толей родите мне внуков или внучек.

- Не знаю, загадывать не будем...

- А куда они денутся, детки-то, обязательно народятся, вы оба еще такие молодые. - И вздохнула: - Сына жалко, кровинка моя - нет мочи смотреть, как он мучается...

Про свои мучения Нина предусмотрительно промолчала.

- Поначалу Толя стал собираться в дорогу, в Иркутск, хотел встретиться с Вами. Он тебе еще писал о своих намерениях, а ты вроде как ответила, что сама приедешь. Только точно не указывала, когда. Так дело было?

- Так.

- Ну вот! Тут новая напасть - его Татьяна, кстати, на развод до сих пор не соглашается, на него жалобу накатали в заводской партком. Ушел, мол, из семьи, воспитанием дочери не занимается и все такое... А перед этим Анатолия хотели уже начальником участка ставить. Вместо этого, как партийного, стали его разбирать. Парторг у них фронтовик-орденоносец, шибко идейный. Не позорь, говорит, коммунистическую честь и тому подобное. Теперь-то чудно даже. Так-то вроде не строго разбирали, все ж не сталинские времена, вроде как просто реагировали на заявление жены, но все равно неприятно, когда в твою личную жизнь вмешиваются посторонние. Хотели прописочить для галочки, да видно перегнули палку. Что уж там случилось, как-то совсем не поняли его, Толя в ответ и нагрубил... Сейчас, говорит, не тридцать седьмой год, чтобы вы здесь меня карали как преступника... Да вдобавок еще взял и партбилет им на стол кинул!

- Партбилет бросил?

- Было дело. Просто этот старый пень, господи меня прости, парторг этот, привык распекать провинившихся, одним словом, прощтрафившихся - вот и вышло так. В общем, нашла коса на камень. Предложили уволиться по собственному желанию, раз он не признает свое недостойное поведение, хотя не имели на это никакого права. На работе некоторые итээрловцы здороваться даже с ним перестали - позавидовали личному счастью. В итоге с завода Анатолий ушел, чтоб начальству почем зря глаза не мозолить, а то стали бы по мелочам придираться. Вот уж месяц куда больше пока не оформляется, отцу по хозяйству помогает, бывает, что и в рюмку заглядывает - не без этого. Сами видите, не побреется лишний раз, все шутит, что бороду отращивает, мол, она ему пойдет. Я ему говорю...

На полуслове материнское повествование было прервано - вернулся сын.

- Кое-как нашел шампанское, пришлось в центр ехать, - доложил он женщинам.

- А мы тут пока поговорили с Ниной по душам.

- Все доложила или мне немного оставила? - обратился Анатолий к матери, лукаво глядя на Нину.

- Все хорошо, Толя, поближе с твоей мамой познакомилась, - поспешила та успокоить.

Мария Филипповна захолопотала в честь приезда гостя: несколько раз спешила из дому в кладовку и погреб, каждый раз возвращаясь с новыми припасами. Нина попыталась предложить свою помощь, но мать Анатолия рассудила по-своему:

- Лучшее идите в баньку, сполоснитесь с дороги, легче станет. - И скомандовала сыну: - Достань из комода чистое полотенце, да проводи в баню, покажи, где там что...

В предбаннике Анатолий не удержался, обнял Нину:

- Как же ты насмелилась? Молодец, что приехала!

- Потом поговорим... - Нина сдержанно улыбнулась.
- Ладно, купайся пока. Понадобится моя помощь - крикни.

- Давай без намеков, - Нина хотела еще немного поддержать дистанцию. Из приобретенного женского опыта, хоть и небогатого, она уже знала, что это помогает, если хочешь добиться расположения мужчины.

- Понял, ухожу, - Анатолий выпустил Нину из своих объятий.

"Странно, столько лет не виделись, а словно не расставались вовсе, - мысленно отметила Нина. - Только он стал смелее, а я - хитрее. Посмотрим, что будет дальше, терять мне нечего".

Сели за стол втроем, отца Анатолия, Ивана Николаевича, не было, он ушел на сутки дежурить на камвольный комбинат, где отработал почти сорок лет. Выпили за знакомство, заговорили о разном, в том числе о горбачевской перестройке, дождливым лете, урожае на огороде, но основную тему - будут ли отныне вместе Нина и Анатолий - обходили пока стороной. Посидев немного, Мария Филипповна заторопилась по каким-то срочным делам к соседке. Мать намеренно оставляла сына наедине с Ниной, ведь должны же они поговорить откровенно, без свидетелей.

Анатолий предложил выйти на террасу, где закурил, но не начинал разговор, словно чего-то выжидал. Молчала пока и Нина. Признаться, еще в поезде она приготовила речь, которую мысленно повторяла всю дорогу: "Вот и приехала я к тебе, Толенька. Отчаянная баба, все у нее вроде есть: и образцовый муж, и прекрасная работа. Все вокруг тебя крутится, а счастья нет. Детей нет! Тебя не хватает! Вот уж не думала и не гадала, что девичья любовь к тебе и через столько лет не забудется. Потянуло к тебе! Хотела раньше к тебе приехать, обещала даже в письмах, да все откладывала, боялась, что приеду и зря - разочаруюсь оба. А вот увидела и прежним повеяло". Вспомнив этот монолог, Нина невольно улыбнулась: как-то чуть нарочито, а ведь в бане Анатолий задал настрой их теперешних отношений - надо быть проще.

- Нина, я ждал тебя, а потом перестал, особенно когда ты от переговоров отказалась, - признался Анатолий.

- А сколько я тебя тогда ждала - ты приехал? - не удержалась Нина.

- Так обстоятельства сложились, я же объяснял тебе. Хотя, чего греха таить, смахивает на малодушие. Можешь считать меня даже трусом.

- Разберемся, как говорит твоя мама. А насчет женитьбы ты тогда не придумывал?

- Нет, все было правдой. Думал, протяну как-нибудь до твоего окончания школы, к тому времени, может, дом достроим с батеи, а потом и ты в Минск приедешь...

- Считаю, что я и сегодня тебе верю, - как бы между прочим заметила Нина, она все еще "держала дистанцию".

- А тут как раз и разгромное письмо от твоей мамы, - продолжал Анатолий, - мол, отстань от моей дочери, ей учиться надо, а не о замужестве думать и все в таком духе. Что мне оставалось делать после таких слов?

- И ты так сразу испугался!.. Лучше признайся, что тебе это даже на руку было. Никуда ты не собирался возвращаться. В тех двух письмах еще как-то успокаивал меня, а в третьем - все планы раскрыл. Конечно, удобнее было отказываться от своих клятв, когда моя мама тебе, можно сказать, помогла, - Нина умолкла, почувствовав, что наговорила лишнего.

- Нет, немного не так ты все представляешь, Нина. У нас принято родителей уважать и прислушиваться к их мнению. Против их воли тоже несладко жить.

- Несладко или нечестно?

- Не придирайся к словам, я не такой начитанный, как ты. И мои предки меня не отпускали, и твои не хотели. А что слабину дал - признаю!

Слушая Анатолия, Нина впервые за последнее время подумала о Михаиле: он бы ни за что не признался, что в

чем-то виноват, обязательно что-нибудь бы соврал, доказывая свою правоту.

- Ладно, Толя, что было, то прошло, - сдалась Нина. - Давай сегодняшним умом рассуждать. Что скажешь?

- Скажу, что нельзя нам больше расставаться.

- И я думаю, что нужны мы друг другу. Да и зачем судьбу второй раз испытывать. Мне тут мама твоя все про тебя рассказала...

- Что она могла такое рассказать? Ведь в душу-то мне никто не заглядывал. Тогда, тринадцать лет назад, я действительно влюбился в тебя, просто нутром почувствовал, что счастье тому будет, чьей навсегда ты станешь. Потому и готовил тебя к этому шагу. Где потом встретишь еще такое сокровище? Ты девчонкой еще неопытной была, а уже умела любить искренне, я сразу это понял, в первый же наш вечер. Не тронул тебя - берег до свадьбы, боялся спугнуть. А вот досталась ты все равно не мне, не поверишь - как мужика досада гложет до сих пор. Хотя, что и говорить, сам виноват, не сдержал своего обещания. Все не так получилось, как я загадывал. Выросло между нами непонимание, какая-то глупая недосказанность, каждый затаился со своей обидой. Давай хоть теперь исправляться.

Анатолий замолчал, давая возможность высказаться Нине.

- Пойдем в комнату, там договорим, - предложила та. Они вернулись в дом, сели на диван.

- Толя, я хочу у тебя спросить: ты чем сейчас занимаешься?

- Ничем, - горько усмехнулся Анатолий. - Месяц как уволился, а новую работу по специальности еще не нашел. Да и не искал, если честно. Думал даже завербоваться куда-нибудь на север. Черт с ней, с работой! Все же умные сейчас стали, один ты олух царя небесного! - Анатолий встал и заходил по комнате. Таким Нина его еще не знала: "Все-таки мы изменились..."

- Зря ты на заводских рассердился, - спокойно возразила она. - Они могут и не понять, но ты-то должен был оценить обстановку и принять разумное решение. Ты же взрослый мужчина! А ты наорал на всех - такие вещи не проходят даром.

- Учи-учи... принципиальная стала? Надо мне к тебе присмотреться... - Анатолий прищурил глаза, словно пытался оценить, кто перед ним - враг или друг.

- Перестань, хватит, - улыбнувшись, Нина встала и ласково обняла его за шею, вновь усадив Анатолия на диван. - Не будем об этом, а то поругаемся на ровном месте. Не за этим же я ехала...

- Нина, а ведь ты права - злой я стал на жизнь, но пока не совсем еще хмурый, - уже мягче заговорил Анатолий.

- Как жил эти годы - сам не пойму. Ведь о том, что дочь не моя, я догадался сразу, но надеялся, что со временем все сгладится и будет у нас спокойная семейная жизнь. Своего ребенка родить не получилось, да мама, наверное, тебе уже рассказала...

- Про это - нет.

- Значит, не успела еще, а, скорее всего, не захотела ворошить... Словом, жене врачи запретили еще рожать, у нее почки могли отказать. Вот так меня бог наказал, а потом снова к тебе привел. Видимо, ему лучше знать, кого с кем развести, а кого снова свести.

Анатолий замолчал, а Нина, оглушенная всем услышанным, не в силах была продолжать разговор дальше. Кое-как она все же собралась с духом и спросила о том, что могло внести ясность в их отношения:

- Мария Филипповна сказала, что ты разводишься?

- Это она еще не все знает! Моя бывшая жена все документы порвала, или спрятала, кто знает, пришлось их заново восстанавливать, затем только подавать на развод. В суде уже один раз опозорилась, такое там Татьяна наговорила обо мне... В общем, дали нам испытательный срок. На одно заседание она уже не явилась, вроде как болела, справку предоставила. Скоро снова все начнется, на этот раз надо довести дело до конца. Главное, что мы с тобой встретились!

- Толенька, ты знаешь, что я тоже пока не свободна. Обманула мужа, что еду на курортное лечение, а сама к

тебе понравилась. Но нас разведут быстро, через загс, потому что нет детей.

- От меня-то ты точно будешь иметь ребенка и не одного, - заверил Анатолий и перестал сдерживать себя: впервые за весь вечер он крепко поцеловал Нину. - Ты кого хочешь - мальчика или девочку?

- Вот прямо сейчас и займемся решением этого вопроса, - Нина делала вид, что сопротивляется, на самом деле ей нравились слова любимого мужчины.

- Я долго ждал этого момента... - Анатолий уже не выпускал из своих цепких рук любимую женщину.

А та, машинально проведя ладонью по его лицу, еле слышно заметила: "Колючий". Анатолий стал виновато оправдываться:

- Растерялся малость, всего один день пропустил, и вот почти борода, ты вовремя приехала, а то бы... Только ты не думай, что я совсем в бутылке утонул, - глазами он показал на недопитую бутылку вина на столе. - Запоев у меня нет, не бойся. Просто наступила в моей жизни черная полоса. Теперь все по-другому, - и стал страстно целовать руки, шею, лицо Нины...

Утром пришел с дежурства отец Анатолия. Приезд Нины Иван Николаевич воспринял совсем иначе, чем его супруга. Сдержанно поздоровавшись, он отправился умыться в баню. Через некоторое время вернулся с озабоченным видом.

- Выходит, сама к нему приехала! - круто начал он. - Сильная, если на такое решилась. А вот он, - показывая кивком головы в сторону сына, - не решился, уж с каких пор ушел из семьи, а к тебе так и не доехал. Это, конечно, ваше личное дело, только и я свое отцовское слово скажу: любовь она и есть любовь, это понятно. Но прежде все, как следует, обдумайте, чтобы потом не грызть локти, - он показал наглядно, - вот близко, а не достанешь. Анатолий с женой своей оформлен официально и покамест штампа о разводе у него в паспорте нет! Так что думайте, как тут быть. И еще узнать хочу: Вы-то на сегодняшний день замужем?

- Да, - просто ответила Нина.

- Выходит трудности у вас двойные - оба не совсем свободные птицы. И как быть?

- Батя, что-то ты раздухарился, - Анатолий попытался остановить отца.

- Не надо, пусть говорит, - успокоила Нина любимого. И обратилась к хозяину дома: - Иван Николаевич, на эту минуту я действительно замужем. Но этот вопрос решится в ближайшее время. Общих детей у нас с мужем нет, так что без лишних вопросов разведут - быстро.

- Это как "быстро"? - не понял отец Анатолия.

- Через загс. Пишешь заявление и...

- Та-а-а... - не дослушав, гнул свою линию Иван Николаевич, - это как получается: мужа имеем, а по стране разъезжаем - по гостям, по старым знакомым, - старик не на шутку завелся.

- Батя, мы сами договоримся, не усугубляй, - Анатолий на полтона повысил голос.

- Ладно тебе, сами разберутся, - вступилась за сына мать.

- Ну-ну, решайте! - уступил Иван Николаевич, и стал наливать кипяток из самовара в свою внушительных размеров кружку.

- Не беспокойтесь! А пока я на завод поеду устраиваться, - известил родителей Анатолий.

Отец с матерью одобрительно переглянулись.

- Правильно, сынок, - подбодрила Мария Филипповна.

В этот день Анатолий подписал заявление о приеме на работу у знакомого начальника цеха другого завода. Временно его брали токарем, с перспективой перехода на должность мастера. Через три дня нужно было выходить на смену. Тем временем Нина с Марией Филипповной съездили на рынок. Без пяти минут невестка с удовольствием помогала будущей свекрови продавать пучки укропа и петрушки. Торговля шла удачно, к обеду женщины уже вернулись домой и стали готовить борщ. В домашних хлопотах незаметно наступил вечер.

После ужина, в течение которого Иван Николаевич как в рот воды набрал, стали укладываться спать. Отец Анатолия намекнул, что для гостей у них есть флигель, там обычно приезжие и ночуют. Но Мария Филипповна тихонько позвала Нину в спальню:

- Вам как: снова вместе стелить? Да ты не стесняйся, я жизнь прожила, меня стесняться нечего. А деда не бойся, это он только с виду такой - неприступный.

- Стелите вместе, только лучше во флигеле, здесь неудобно. Да Вы оставьте постель, я сама справлюсь.

- Ты иди, милая, пока посуду мне помоги помыть, а Толик постель сам отнесет.

В деревянном флигеле было чисто и уютно, хотя стояла одна широкая старинная никелированная кровать и несколько венских стульев. И вправду, гостевая комната, в которой можно отдохнуть и заночевать. "Это наш рай в шалаше", - решила за двоих Нина.

В прохладной постели, в ожидании Анатолия, она закрыла глаза и вспомнила, как хорошо было с любимым вчера. Еще никогда она так не хотела повторить интимную близость с мужчиной. "Я - грешница, распущенная женщина, изменница, - улыбка не сходила с ее сочных губ. - Самое интересное, что мне не страшно, не мучают угрызания совести. Ведь я люблю своего Толеньку, и хочу через столько лет, наконец-то, подарить ему всю себя, без остатка. Я счастлива!"

Вторая совместная сладко-хмельная ночь показалось еще волшебней. Стало поразительно ясно: Нина и Анатолий созданы друг для друга. Так назначено судьбой. Лежа рядом, они думали об одном и том же: это космическое притяжение сделало их одним неразрывным целым - душой и телом. Безудержная страсть охватила влюбленных. Каждый, как можно нежнее, шептал вечное: любимая...любимый... Долго они берегли эти слова в своих измученных сердцах, теперь же мощный энергетический поток носил все на своем пути. Они лю - би - ли.

Среди ночи Мария Филипповна разбудила старика:

- Иван, слышишь, что-то упало, вроде как разбилось, может, посуда какая на террасе?

- Скажешь тоже, - сквозь сон отозвался Иван Николаевич, - это во флигеле наши милуются... Кровь у молодых разыгралась... Себя вспомни.

- А-а-а...

- Спи, мать.

Когда утром Нина с Анатолием вышли из своего "шалаша", в доме уже никого не было. Мария Филипповна с мужем ушли по каким-то своим делам.

Анатолий принес воды из колонки. Нина поставила на электроплиту чайник. Пока она нарезала батон к чаю, ее Толенька "подкрался" сзади и цепко обхватил за талию теперь уже точно свою женщину:

- Ага, попалась, которая кусалась, - и стал целовать Нину в шею. - Даже не мечтай, я тебя не выпущу.

Смеясь, Нина изо всех сил пыталась разомкнуть его "клещи":

- Пусты, дурак. Пусты, я тебе говорю! Господи, хуже мальчишки!

Но Анатолий еще сильнее прижал ее гибкое тело к себе.

- Ты мне все кости переломашь, черт окаянный, - чуть не вскричала Нина - ей на самом деле стало больно.

Анатолий сразу расслабил руки:

- Извини, не рассчитал силенку. А тебе идет быть сердитой, ты мне такая еще больше нравишься. Поругай меня - я слушаю.

- А ты думал, что я все время тебя буду хвалить? - уже снова смеялась Нина. - Привыкай ко мне всякой.

В приливе чувств Анатолий обхватил руками голову Нины и прижал к своей груди:

- Никому тебя не отдам... Никому!

В субботу Анатолий с отцом ходили достраивать кому-то летнюю кухню, это был их калым, уведомила Мария Филипповна, которая в отсутствие мужчин занималась разными делами по дому. Нина охотно ей помогала, особенно нравилось готовить еду под чутким руководством

опытной хозяйки. Такая опека не раздражала, ведь Мария Филипповна даже замечания и те делала ласково, будто подсаживала. Между домашними хлопотами, Нина умудрялась посидеть на скамейке в саду среди яблонь, насладиться запахом роскошного, райского уголка.

В воскресенье Анатолий повез Нину на старенькой "копейке" подробнее ознакомиться с Минском. Город-герой еще раз поразил ее своими масштабами. Возле площади Победы Анатолий поставил машину рядом с другим частным транспортом и стал показывать Нине достопримечательности белорусской столицы. Сибирячка поразилась, с какой гордостью он рассказывал о партизанах, которые в сорок четвертом провели свой парад в освобожденном Минске. В шестии победителей принимал участие и Иван Николаевич.

- Ты только не расспрашивай отца, - попросил на будущее Анатолий, - он не любит говорить о войне, сразу плачет, и особенно маму не тревожь - у нее от этих воспоминаний сразу давление поднимается.

Нина хотела еще побывать в недавно открывшемся метро, но Анатолий разумно заметил: "Вот будешь здесь жить - накатаешься, еще надоест". Но в центральной универсаме она его все-таки затянула. И пока примеряла симпатичный трикотажный костюм, дважды звала любимого в примерочную кабинку, чтобы тот посмотрел, идет ли ей тот или иной фасон. Конечно, он одобрил ее выбор, успев при этом поцеловать свою женщину. Все им было в радость! Нина настаивала, чтобы они заехали на железнодорожный вокзал, где она заранее приобрела билет на обратную дорогу. Надо было завершить необходимые дела в Иркутске: оформить развод, уволиться с работы... Отъезд должен был состояться через две недели, не раньше, так решил Анатолий: "Будем привыкать жить вместе".

На следующий день, в понедельник, Анатолий должен был приступить к работе, а вечером, когда все сидели за ужином, иногда прислушиваясь, как за окном льет дождь, в дверь постучали.

- Да! Войдите! - откликнулся Иван Николаевич.

К удивлению всех в дом вошли девочка лет одиннадцати-двенадцати и милостивая женщина, примерно такого же возраста, что и Анатолий.

- Толика жена, - чуть наклонившись к Нине, успела шепнуть Мария Филипповна.

- Добрый вечер, - поздоровалась Татьяна.

- Здравствуйте, здравствуйте, - за всех ответил Иван Николаевич, - проходите, садитесь, - не вставая с места, он придвинул свободный стул невестке. - Маша, принеси-ка еще один стул - для внучки.

Анатолий встал из-за стола:

- Сидите, мама, я сам принесу, - и направился в большую комнату, Нина - за ним.

- Толя, я пока здесь побуду, вы разговаривайте там одни, - в голосе Нины прозвучала обеспокоенность.

- Что ты разволновалась, это очередной приход сюда, - попытался успокоить ее Анатолий. - Ладно, я скоро, не переживай, - и пошел в прихожую, где его поджидали Татьяна с дочкой.

- Как житуха? Как здоровье сватов? - Иван Николаевич настроился на родственную беседу. Тем временем Мария Филипповна наливала гостям чай, придвинув поближе к ним тарелку с ватрушками.

- Спасибо, дядя Ваня, живем потихоньку, хлеб жуем, - Татьяна подбиралась к важному разговору, но пока ждала, что скажет Анатолий. А тот отмалчивался, лишь хмурил брови, допивая чай.

- Слыхала, Анатолий, к тебе тут гости пожаловали! - Татьяна вызывающе посмотрела на своего бывшего мужа.

- Не гости, а моя будущая жена Нина, ты про нее знаешь, та самая... - стараясь быть как можно спокойнее, стал объяснять Анатолий.

- Давно ты многоженцем заделался? - наступала Татьяна.

- Так, хватит, - попытался остановить бесполезный разговор Анатолий, - скоро разведемся!

Но обиженную женщину уже было не остановить:

- Гостей привечаете, - это был уже упрек родителям, -

а родную внучку забыли. Нам уже и внимания не полагаются! Новые жены тут командуют! А дочке отец нужен! У всех в классе есть отцы, а наша как сирота. Ни алиментов нормальных, ни помощи какой! - все больше расходилась Татьяна.

- Танюша, не переживай, - пыталась уговорить невестку Мария Филипповна, - с понедельника Толя идет на завод, его снова взяли, будут тебе и алименты хорошие, да и мы с дедом в стороне никогда не были.

- Пап, ты бы хоть пришел к нам когда, - ласково попросила дочка.

Нина не могла дальше слушать этот тягостный разговор, ее душила ревность! Стремительно проследовав через прихожую, она выскочила на террасу и разревелась: "Неужели я буду ревновать его к прошлому? Это невыносимо больно!"

Всю ночь лил дождь. В доме никто не спал. Старики легли в спальне, Анатолий после вчерашних сцен ревности, устроенных ему сразу двумя женщинами, ушел во флигель. Нина выбрала диван в зале и думала о завтрашнем дне. Она решила взять билет на ближайший поезд и поскорее вернуться домой. Анатолий отреагировал на это известие внешне спокойно:

- Делай, как считаешь нужным. Только знай: если ты уедешь и не вернешься, мне будет очень плохо. Можно сказать, жизнь пойдет под откос...

Лишь под утро Нина задремала, а проснувшись, услышала всхлипывание Марии Филипповны и сердитый говор Ивана Николаевича:

- Ладно, мать, все уладится. Анатолий должен вернуться в семью. И вернется, не спорь! Ну а она, - Нина поняла, что речь шла о ней, - сама себя пусть казнит, мы ей не судьи. Пусть едет к мужу - так-то оно вернее, да и честнее будет для обоих. Нечего семьи рушить из-за какой-то там детской любви.

- Дурак ты старый, - беззлобно отозвалась Мария Филипповна.

- Был бы дурак, столько бы лет с тобой не прожил.

- Тогда время другое было, - пыталась вразумить жена мужа.

- Зато люди всегда одни, - не сдавался Иван Николаевич.

...До прибытия поезда оставалось еще около часа. Анатолий с Ниной вошли в зал ожидания небольшого вокзала станции, что находилась в пригороде Минска. В нем почти совсем не оказалось пассажиров, предпочитавших находиться в летнюю жару на перроне. Присели на свободные места. С утра они толком не разговаривали. Каждый думал свою горькую думу. И только теперь решились сказать о главном.

- Нина, только не надо громких слов о семейном долге и прочее. Я все и так понимаю: блудный муж должен вернуться к бывшей жене под видом заботливого отца. Но этого уже не будет! - Анатолий оглянулся на сидящих в дальнем углу двух старушек, мирно ведущих свою незамысловатую беседу, - не громко ли он говорит? Нет, те не обращали ни на кого пристального внимания.

- Откуда ты знаешь... - вздохнула Нина.

- Опять двадцать пять! Не понимаю одного: ради чего мы должны жертвовать? Ведь появляемся на свет один раз в жизни, и ту сами себе отравляем. Ну ошибся я в молодости, а сейчас-то зачем все рушить? Ты моя половинка, я - твоя, чего тут не понять. Люди вон и к концу жизни не находят друг друга, а мы все-таки встретились... Странные вы, женщины... У мужиков все иначе - яснее и конкретнее.

- Да уж какая есть... Доверчивой была, ничего о жизни не знала, ничего не понимала, а повел бы меня тогда за собой, я бы за тобой - словно нитка за иголкой... Вот так, ниточка за иголочкой... - сомкнув большой и указательный пальцы, Нина провела в воздухе условную нить.

- Что зря оправдываться - виноват я, - устало отозвался Анатолий.

- Теперь уж что поделаешь, у меня ревность, ничего

не могу с собой поделаться, - чуть не заплакала Нина. - Столько лет потеряно, а могли бы все эти годы жить душа в душу...

- Понимаю, так хотела бы прожить, как мои мать с отцом - он у нее один, и она, по сути, у него тоже одна.

- Именно так. Чтобы смолodu не размениваться, сохранить себя, чтобы... - слезы не давали дальше говорить.

Анатолий обнял вздрагивающие плечи любимой, единственной.

- Можешь меня считать дремучей, - переведя дух, продолжала Нина, - но женщина должна с самого начала принадлежать одному мужчине, тогда душа ее не выгорит, как у меня.

Прозвучало объявление о прибытии какого-то поезда. Торопливо подхватив свои поклажи, старушки спешно покинули зал ожидания. Теперь совсем можно было говорить свободно, не опасаясь, что кто-то нечаянно подслушает сокровенные слова.

- Всею свое время - надо было нам не расставаться, - старая Нинина обида давала о себе знать в самый неподходящий момент.

- Все же не можешь меня простить за старое? Эх, Нина, Ниночка...

- Не могу. Из-за тебя моя жизнь пошла по чужому пути. Разве я так хотела? Пришлось заново учиться жить! Я врать научилась! Понимаешь - врать! Притворяться! Столько лет бок о бок с нелюбимым человеком - его обманываю, себя заставляю: терпи, живи как все.

- Если можешь, прости... Буду ждать тебя! Как приедешь, осмотришься, напиши, а лучше на переговоры вызови. Ладно?

- Подумаю.

- Крепко подумай. Одно я знаю точно: любил и люблю тебя одну. Ты тоже знаешь, что любишь...

- Люблю, никуда от этого не деться...

- Не будет мне жизни без тебя, Нина, пойми.

- А дочка-то на тебя похожа... - снова не сдержалась Нина.

- Опять ты за свое! Ребенок не виноват, что мать ее от другого родила. А воспитывал-то я, из роддома их забирал...

- Понятно, не продолжай.

- Нина, милая моя, - Анатолий нежно взял ее за руку, - у нас с тобой будут свои дети.

- Может быть...

Оброненные на вокзале слова "может быть" скоро дали о себе знать. Нина не могла поверить, а когда ее догадка подтвердилась на приеме у гинеколога, ликовала - наконец-то она станет матерью, и долгожданный ребенок появится от любимого мужчины.

А муж долго удивлялся - как здорово подействовало лечение в одном из белорусских курортов. Нина не раз порывалась открыться Михаилу, но откровенно боялась, страховалась на всякий случай. К тому же письмо, в котором она известила Анатолия о своей беременности, осталось без ответа. "Что ж, вернулся в семью", - обреченно решила Нина. Ей надо смириться, жить дальше, тем более, что появился настоящий женский смысл - будущие сын или дочь. Ребенок станет ей памятью на всю оставшуюся об Анатолии. Вот уж поистине - не забыть, не разлюбить.

В положенный срок родился сын - крохотная копия Анатолия. Нина была на седьмом небе от счастья. На адрес родителей Анатолия она отправила телеграмму, спрашивая отца ребенка, как назвать новорожденного. Текст ответной телеграммы насторожил: "Береги сына, подробности письмом. Мама". "В чем дело, почему такая подпись? А где Толя?" - ломала голову Нина. И снова - тишина. Молодая женщина не могла поверить, что так ошибалась в своем Толе. Связала это даже с аварией на Чернобыльской АЭС - может, он поехал туда ликвидатором, получил смертельную дозу облучения... И когда совсем уже отчаялась, пришло письмо от Марии Филипповны.

Она поздравляла Нину с рождением сына, своего внука и сообщила, что после Нининогo отъезда Анатолий все-таки остался жить у них, а через месяц случилась беда. "В тот день, - сокрушалась мать, - он задержался с бригадой в цеховой бытовке: как водится, обмывали его первую полочку. Из бригады настояли, мол, уважь, Анатолий, а то перейдешь в мастера, загордишься. Словом, как мы с дедом рассуждаем, это была ловушка. Разгорелся какой-то спор. Кто-то ударил Анатолия бутылкой по голове. Он умер в "скорой" по дороге в больницу..."

Словно выброшенная на берег рыба, Нина ловила ртом воздух, казалось, вот-вот она задохнется, потеряет сознание. Она успела лечь на кровать, медленно поджала под себя ноги, - как младенец в утробе матери... Из одеревеневших рук выпал тетрадный листок, размашистым почерком исписанный матерью Анатолия. Сколько так пролежала - не помнит. Пришла в себя, когда спящий в кроватке сын стал просыпаться: надо было менять пеленки и кормить, аппетит у ребенка был отменный.

Дочитывала горестное письмо Нина уже после того, как насытившийся очередной порцией грудного молока, сынишка снова стал засыпать. "Так никто и не признался до сих пор, что там произошло, один на другого валит, дело то закрывали, то снова начинали, суда еще не было, - сообщила дальше Мария Филипповна. - А бывшая жена Татьяна недавно сошлась с отцом своей дочери. Этот обалдуй дождался-таки своего часа! Наша внучка его уже папой называет. В поселке все говорят, что она копия своего нового папаши. Нина, приезжайте к нам с внуком Толечкой, мы с дедом почему-то думаем, что именно так ты его назвала, будем очень рады вашему приезду. На могилку вместе сходим..."

Нина медленнее стала ходить из комнаты на кухню и обратно, будто что-то потеряла... Не могла смириться, что ее Толи уже нет, и он никогда не узнает о рождении сына: "Как бы он обрадовался!" А ведь когда в женской консультации ей подтвердили беременность, Анатолия уже не было в живых. Нина винила себя, нет, казнила, что вздумала ревновать его после визита бывшей жены, а во время прощального разговора на вокзале не смогла обуздать свою гордыню. Конечно, оба виноваты, но в те минуты она не сумела быть мудрой. Вот за все и расплатилась!

Несколько дней подряд, пока супруг был на службе (отец устроил его в свой отдел), Нина плакала навзрыд, ночью беззвучно лила слезы в подушку, а потом не выдержала и во всем призналась Михаилу. Тот новость воспринял болезненно, но особо, кажется, не удивился, ведь с некоторых пор, заметила Нина, он пристально рассматривал сына, который даже приблизительно не был на него похож. Мальчик родился белокурым, а в родне Нины и Михаила все были чернявые, с примесью байкальской крови. Скандальную ситуацию спасло то обстоятельство, что Михаил в тот момент быстро пошел на повышение, стал часто ездить в служебные командировки в столицу. В одной из таких поездок познакомился с одинокой москвичкой Ириной, женщиной балзаковского возраста с квартирой, доставшейся ей от папы-генерала. Муж Нины решил, что все идет даже к лучшему, ведь он всегда мечтал перебраться в центр и делать там карьеру.

Таким образом, развод состоялся без лишнего истерик, даже как-то по-деловому. Родители Михаила решили оставить их кооперативную однокомнатную квартиру Нине с внуком, оформив без проволочек все необходимые документы. Пока Нина была в отпуске по уходу за ребенком, родители Михаила, надо отдать им должное, регулярно помогали бывшей невестке материально, всю правду они узнали позже, до Нининогo отъезда в Минск сын им точно ничего не рассказывал об истинных причинах развода, формулировка в суде была "классической" - не сошлись характерами. До последнего Нина скрывала и от своих родителей, от кого родился ее Толенька, боялась, что мать проболтается своим любимым сватам, и неизвестно, чем еще обернется такая откровенность.

Еще года два, пока не окреп сынок, Нина переписывалась с Марией Филипповной, ходила на телеграфные пе-

реговоры с ней, а потом продала квартиру и переехала в Минск. Там, на окраине, совсем недалеко от частного сектора, где был дом Остриковых, она купила двухкомнатную квартиру в "хрущевке". Поблизости стояла православная церковь, и Нина вскоре приняла обряд крещения вместе с сыном. Там же впервые исповедовалась. Пожилой отец Антоний внимательно выслушал рассказ Нины о случившейся с ней и Анатолием драматичной любви и безо всякого пафоса изрек истины, безоговорочно принятые израненной душой молодой женщины. А сказал он просто: "Вот так, дочь моя, и не ведаем, что творим. Хорошо, что хоть сейчас осознала, задумалась перед Богом. Не бойся покаяться перед ним, он милостив - простил тебя давно. Живи дальше по его заповедям, и иногда вспоминай свою прошлую жизнь, она тоже прожита не зря. - И благословил: - Храни тебя Господь! Храни сына твоего, его детей, твоих внуков. Дай Бог, чтобы и правнуков довелось поддержать на руках".

От таких ясных и добрых слов Нине стало необыкновенно легко, будто камень с души свалился. Так еще бывает, когда оказываешься под чьей-то защитой. "Теперь я под Его покровом", - догадалась она. И лишь жалела, что не услышала слов участия еще тогда, в середине семидесятых, когда в первый раз переступила порог иркутской церквушки. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Жизнь постепенно налаживалась: маленький Толя пошел в садик, Нина устроилась в стабильную организацию инженером-проектировщиком. Регулярно они навещали стариков Анатолия, дедушка души не чаял в своем внуке, баловал его еще больше, чем бабушка. Любил приговаривать: "Вот этому наследнику и дом отпишу".

Часто, то с Марией Филипповной и Иваном Николаевичем, то одна Нина бывала на могиле Анатолия... Вместе поставили новый памятник, посадили многолетние цветы и белую сирень. Только сынишку она не брала с собой - берегла его детскую душу от кладбищенских впечатлений. Молодая мама рассказывала малолетнему Толику, что его папа зарабатывает для них деньги на северных стройках Советского Союза. Но скоро вернется домой и привезет своему сыну большую красивую машину. В ней он сможет ездить по двору дедушкиного дома. Нина и сама была бы рада поверить в эти сказки. Иногда ей казалось, что ее Толенька просто уехал в долгую командировку куда-нибудь в Норильск или Якутск, и наступит день, когда он вернется, снова крепко обнимет ее, теперь уже вместе с сыном. Однако счастливого финала, как в кино, никогда не случится. Нина понимала, что все главное в ее женской судьбе уже произошло, дальше будет жизнь сына, его радости и огорчения, которые он разделит с матерью. Все это произойдет потом, а пока Нина настраивала себя на достойное воспитание сына, дышала заботами о самом дорогом человечке на свете, которого ей успел подарить Анатолий.

Приезжали в Минск и Нинины родители. Проведав дочку с внуком, они остались довольны увиденным, подружился с Марией Филипповной и Иваном Николаевичем. Во время семейной трапезы мать Нины произнесла как приговор: "Бог нам всем судья".

Через несколько лет на страну совершили разрушительный набег девяностые... Как удалось выжить - Нина сама удивлялась. Организация, в которой она трудилась,

закрылась. Вместе с бывшей коллегой она приноровилась ездить в соседнюю Польшу за тряпками, которые продавала затем на рынке. Когда Нина была в отъезде, Толик жил у бабушки с бабушкой. Шел к ним и после школы, где его ждали бабулины наваристый борщ и ватрушки с пирогами. После сытного обеда Толя старательно делал уроки и ждал маму Нину с рынка, с которой они вечером возвращались в свою квартиру, благо, она была неподалеку.

Иван Николаевич сдержал слово: когда здоровье стало совсем никудышным, нотариально оформил дарственную бумагу о передаче дома внуку - Анатолию Анатольевичу. Но перед этим не забыл посоветоваться с дочерьми, чтобы те потом не обижались и, тем более, не вздумали делить дом. Взрослые дочери отреагировали на решение отца вполне дружелюбно, ведь у каждой сложились к тому времени крепкие семьи; удачливые мужья, занимавшие высокие посты, обеспечили своих жен и детей просторными квартирами, дачами, машинами.

После кончины мужа Мария Филипповна жила одна, а потом, когда Толя-младший, отслужив в армии, решил жениться, переманила его с будущей женой в дом. Там и свадьбу сыграли, а через год у молодых родился первенец, назвали Иваном - в честь прадеда.

Сегодня Анатолий Анатольевич, получивший техническую специальность в профессиональном колледже, трудится мастером на заводе и потихоньку обустроивает усадьбу Остриковых на современный лад. Бабушка, Мария Филипповна, которая недавно отметила солидный личный юбилей, одобряет и поддерживает все его старания. Бразды правления домом она без сожаления передала любимому внуку и его хозяйственной жене.

А что Нина? Нет, она не вышла замуж - после трагической гибели своего Анатолия никогда к этому не стремилась. Бывало, несколько раз к ней подбивали клинья представители противоположного пола - одинокие или разведенные, один даже "с серьезными намерениями". Но и это заманчивое предложение потерпело фиаско. "Никакого сравнения с моим Толей", - завязала узелок еще молодая женщина.

Порой, глядя на сына и его уже двоих сыновей, Нина думала, как же глубоко и заманчиво устроено само мироздание. Вот нет рядом Толи, живого, а он все равно с ними - с сыном, внуками, а там и с правнуками. Все от него пошло и от нее... Вот так, в раздумьях о смысле бытия, и проходит ее существование на грешной земле, частичкой которой есть она, и был ее Анатолий. И грустит, что плели-плели косу своей судьбы - встретились, полюбили, но не берегли любовь, предали ее, потом снова возродили прежние чувства, однако упустили время, не суждено было вдоволь надышаться друг другом. А ведь могли, если б сразу отправились в путешествие по бренному миру рука об руку, день за днем, год за годом, выпуская на свет желанных детей, зачатых в нежности и согласии, а на закате отпущенного им Богом времени, смогли бы любоваться своим достойным потомством, идущим дальше, в века. Главное, чтобы будущие поколения сумели сберечь любовь, а значит и саму жизнь.

Умеем же мы собственными поступками создавать себе ад на земле...

Братск 1977 - Иркутск 1989 - Минск 2013

Пусть читатель судит, как ему будет вольно. Каждый думает и корит по-своему. У всякого на отдельный случай жизни свое суждение - в зависимости от того, что и как он пережил сам. Не всякий способен понять суть человеческих взаимоотношений, всю их сложность и противоречивость. Дорогие читатели, ваши отзывы присылайте по адресу: gazeta@brstu.ru

Расскажите вашу историю любви, если сочтете нужным. Наиболее интересные опубликуем на страницах вузовской газеты.

Газета зарегистрирована Управлением федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области, рег. номер свидетельства ПИ-130307 от 27.04.2002 г.

Учредитель:
ФГБОУ ВПО «Братский
государственный университет»
665709, г. Братск, ул. Макаренко, д. 40.

Наша газета распространяется бесплатно и
расположена на сайте: <http://www.brstu.ru>

Адрес редакции: 665709, г. Братск, ул. Макаренко, д. 40,
корп. 2, каб. 127, тел. 32-54-17. E-mail: gazeta@brstu.ru.

Дизайн и верстка - О.В. ЗВОНАРЕВ
*
Главный редактор М. М. ИСАКОВА

Газету печатает и несет ответственность за
полиграфическое исполнение ООО "Братская
городская типография".
Адрес типографии: 665717, г. Братск, ул. Янгеля,
122. Тел. 41-33-67.
Подписано в печать в 13-00, по графику в 13-00.
Тираж 1500 экз.